

И С О В Ы И
М И Р

7

1963

НОВАЯ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIX

№ 7

Июль, 1963 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. ДРАБКИНА — Удивительные люди	3
ГОВОРЯТ ПАРТИЙНЫЕ РАБОТНИКИ. В. Загорский — Рузаевские огни. А. Козлов — Воспитывать нового человека! К. Катусhev — По Ильичу. П. Давыдов — Уменье убеждать. М. Сергеев — Главное условие	28
МАКСИМ ТАНК — Из новой книги стихов. С белорусского. Авторизованный перевод Я. Хелемского	53
А. СОЛЖЕНИЦЫН — Для пользы дела, рассказ	58
МАРГАРИТА АЛИГЕР — Японские заметки, стихи	91
Н. МЕЛЬНИКОВ — Строится мост. Из записок корреспондента	94
ВАДИМ ШЕФНЕР — Под Лугой, стихотворенне	126
АНТОННИО МАЛЛАРДИ — Левантацо. Перевел с итальянского Л. Вершинин	127
ПУБЛИЦИСТИКА	
И. ЕРМАШЕВ — Вечный огонь	173
ГОДЫ «ИСКРЫ». Автобиографические высказывания В. И. Ленина (1900—1903). Обзор составлен Б. Яковлевым	186
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Е. ГНЕДИН — На Западе — перемены. Новые черты стачечной борьбы в странах «Общего рынка»	208
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
ЕФИМ ДОРОШ — Художник и книга	222
К 70-летию со дня рождения В. В. Маяковского	
СОВРЕМЕННОКИ О МАЯКОВСКОМ. Б. Лавренив — 1913-й, 1918-й... Я. Черняк — В незабываемые дни. П. Незнамов — Там, где жил Маяковский. В. Гоффеншефер — Два разговора	229

(См на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ССРС»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Стр.
244

Литература и искусство

А. Турков. По долгу справедливости.— **Р. Зернова.** Внимательный взгляд.— **Ф. Светов.** В поисках трудностей и напастей — **Эд. Вальдман.** О «кибернетических» повестях Геннадия Гора.— **Т. Мотылева.** Новое о Томасе Манне.

Политика и наука

262

Ю. Шаратов. Живые ленинские черты.— **Я. Борисов.** Языком фактов и документов.— **Валерия Герасимова.** Расти умом и сердцем.— **О. Лацис.** Красноречивые цифры.— **Л. Клецкий.** Свет правды и туман фальсификации.— **И. Миндлин.** Вместо науки.

КОРОТКО О КНИГАХ

279

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

286

А. СОЛЖЕНИЦЫН

★

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА

Рассказ

1

- **ФФ** аиночка, у кого расписание электриков?
- А вам на что, когда вы радист?!
- Фаина Валерьяновна, выходной уровень — децибелл на двадцать пониже. Вот товарищ новый, я — для него.
- Извиняюсь. Вы что у нас будете вести?
- Силовое электрооборудование. И теорию электропривода.
- Шум такой, ничего не слышно. А еще преподаватели!.. Расписание вон, в угол взяли, там смотрите.
- Сусанна Самойловна! Здравствуйте!
- Лидия Георгиевна? Лидочка! Как вы чудно выглядите! Где вы лето проводили?
- Да где же! — на стройке весь июль!
- На стройке? Так у вас отпуск был или нет?
- Считайте, что и не было. Три недели вместо восьми. Ну, да не жалко! А вы немножко бледненькая.
- Григорий Лаврентьич! Так по электрикам у вас что? — только на два дня расписание?
- По всем отделениям — только до второго сентября. Временное. Товарищи, кто там уходит? Товарищи! Внимание! Тише. Повторяю: Федор Михеевич просил никого не расходиться.
- А где он?
- В новом здании. Сейчас вернется — будем решать вопрос с переездом.
- Так надо же решать скорей! Уже иногородние приезжают. Посылать их на квартиры? Или будет общежитие?
- Черт знает, дотянули! Ну почему у нас никогда ничего вовремя нельзя сделать?
- Я, Марья Диомидовна, в новом здании делюсь на две комнаты, хватает! Теоретических основ электротехники — отдельно, электроизмерений — отдельно.
- И я тоже: электронные и ионные приборы — отдельно, только изоляционные материалы остались со светотехникой.
- Ну, за вас я больше всего рад. А то ведь у вас не лаборатория, а склад недобитого стекла.
- Всё же в ящиках — в коридоре, в подвале, кошмар! А теперь прогнали мы там стеллажики, и пойдут у нас: игнитрончики на своем, тиратрончики на своем, генераторные лампы...
- Да бросьте вы курить, Виталий! Когда закуривают — спрашивают дам.

— Разрешите представить: наш новый преподаватель Анатолий Германович, инженер. А это — Сусанна Самойловна, завкафедрой математики.

— Будет уж вам зло шутить! Какая завкафедрой?..

— Ну, председатель предметной комиссии. Чем не завкафедрой? Только что денег не платят... И вот еще познакомьтесь — Лидия Георгиевна, очень типичный для нашего техникума человек.

— Как раз самый не типичный, не верьте! Вот вы с первого дня будете типичнее меня.

— Вы заключаете так по моей наружности? Это не благодаря ли очкам?

— Да потому что вы — инженер, и, конечно, профилирующий. А меня легко заменить, я здесь так, лишний человек.

— Что же вы ведете?

— Русский язык. И литературу.

— Причем по улыбке Лидии Георгиевны вы можете догадаться, что сама себя она лишним человеком не считает. Начнем с того, что она — вождь нашей молодежи.

— Вот как? Вас выбрала молодежь?

— Нет, меня назначило партбюро. Я от партбюро прикреплена к комитету комсомола.

— Но, Лидочка, не скромничайте: комсомольцы просили именно вас! И уже четвертый год подряд.

— Добавлю: половину успеха в постройке нового здания я лично отношу за счет Лидии Георгиевны...

— Теперь вы взялись вышучивать меня?

— Я не пойму — кто строил ваше новое здание? Разве не трест? Вы сами?

— И трест, и мы сами, тут целая история.

— Так расскажите, Лидия Георгиевна. Все равно ждать.

— Нам объявили так: у треста в этом году на все работы денег не хватит. Трест будет строить еще года два. А мы — можем помочь? Можете! К первому сентября получите здание! И мы — схватились! Собрали общее комсомольское...

— А где тут можно собрать?..

— Да включая коридоры и лестницу, в аудиториях репродукторы, такого зала, конечно... Да, собрали собрание. Беремся? Беремся! Разбились по бригадам. Сперва над каждой поставили преподавателя, но ребята: не надо! мы сами! Мы, признаться, очень боялись за младшеньких, которые из семилетки, ведь им по четырнадцать — пятнадцать, попадет куда-нибудь под кран или свалится. За ними-таки взрослые надглядывали, а старшие отказались.

— И не было пустой толкотни?

— Старались, чтоб не было. Прораб давал нам в партбюро на неделю заявку, когда каких рабочих сколько нужно, создали мы такой вроде штаб, там распределяли, какой бригаде идти, ходили и в будние дни, кто до занятий, кто после, мы ведь двусменные. И воскресений много проработали. А на лето решили: каждый в каникулы должен отработать две недели. Иногородним, конечно, старались сделать эти две недели с краю каникул, но кому и посередине попало — приезжали и посередине.

— Это просто что-то удивительное.

— Это еще все не удивительно. Удивительно то, что не пришлось никому давать взысканий. Ребят как подменили. Не то что мы — строители удивлялись. Они мне сами говорили: мы хуже работаем, честное слово.

— Поразительно.

— Вы сомневаетесь? Спросите вот кого угодно.

— Н-не то что сомневаюсь... Вероятно, энтузиазм есть естественное и одно из лучших состояний человека. Но слово это у нас как-то... затрепали, затаскали. Очень не бережно обращаются с ним, хотя бы по радио. На заводе же я обычно слышу: а что я за это получу? а какая расценка? пишите наряд. И это никого не удивляет: материальная заинтересованность, все нормально.

— Да! Что сделали еще! — срисовали с проекта, состроили макет нового здания и на городских демонстрациях носили его впереди колонны — как наш символ!

— Лидия Георгиевна начала с эмоциональной стороны вопроса, а чтобы понять, надо начать с хозяйственной. Существует наш техникум уже семь лет, и как дали нам это здание за железной дорогой, а тогда еще и за городской чертой, так мы тут и застряли. Потом пристроили одноэтажное крылышко для мастерских, да еще дали нам зданьеце в полкилометре отсюда — а все равно нескладно. Тогда Михеич добился участка под застройку в самом городе. Стояли там малые домики, их надо было снести...

— Это, конечно, сделали моментально?..

— Экскаваторами выкопали котлованы и заложили сразу два фундамента: под техникум и под общежитие, рядом. Начали еще строить первый этаж — и все замялось. С тех пор года три не было, не было средств. То в какой-то титульный список нас не включали, то министерства делились, то потом объединялись, нас передавали — а там снег падал, и таял, и шли дожди, и все было на месте. Но вот недавно создали совнархозы, нас подчинили совнархозу, он нам двинул денежки с первого июля прошлого года, и тут...

— Слушайте, тетя Дуся, откройте вы окно, накурили мужчины просто бессовестно!

— Но не выходить же с каждой папиросой?

— Ну и учительская не для этого!

— И какие вам достались работы?

— Да очень многие. Копали канавы от котельной...

— Да все вообще канавы! Для кабеля, для... И закапывали всё сами!

— Потом кирпич разгружали с машин, штабелевали его в клетки подъемника. Из подвалов землю выносили.

— А мусор со всех этажей носилками! Батареи разносили по комнатам! трубы! паркет! Мыли, скребли.

— Ну, одним словом, от строителей были только специалисты, разнорабочих не было.

— Да и специалистов обучили своих. Отдельно мы создали две бригады: учеников штукатуров и учеников маляров. Ох, и наловчились же они! Загляденье!

— Простите, это на улице? Где это?..

— Не хотим, не хотим тосковать

При лучин-нушке да при свече!

Будем-будем-будем-будем выпускать

И диоды!

И трюды!

И тетроды!

И пентоды!

И побольше ламп СВЧ!

— Это ваши студенты? Что они поют?

— Не подходя к окну, могу сказать, что это — третий курс вакуумного.

— Черти, здорово у них получается. Как бы на них глянуть? В окно мы их увидим?

— Подойдемте... Марианна Казимировна, стульчик ваш можно чуть повернуть?

— Что вы, что вы! Сейчас модно платье силуэта «бочонок», вы еще не видели? Талия узкая, ниже талии расширяется и драпируется в мелкие зажимы, а потом опять сильно сужается и кончается на середине икр...

— Вот там дальше, за Монастырской протокой, знаю я озерко — как я карасей там брал!..

— Лидочка, куда вы ломитесь, тут народ сидит.

— Сюда, Анатолий Германович. Вот, перегнитесь. Видите, кучкой стоят и девочки и мальчики.

— В самолетах, ракетах, квартирах простых
 Всюду светятся радио лампы!
 На Земле, на Луне — Электроника, ты,
 Как лучом, развернешь нам таланты!

— Да с каким напором! Просто очень убежденно.

— Ну, это же их гордость, собственный «Гимн электроников», потому так и поют. Этим напором они на городском смотре выбили себе вторую премию! Причем заметьте: поют-то одни девочки, а мальчишки сейчас безголосые, они и на смотре стояли только для виду, но зато в припеве оглушительно кричат: лам!-пы! талант!-ты!

— Я почему к ним присматриваюсь с некоторой робостью — я привык со взрослыми. Один раз в школу, где сынишка учится, пошел прочесть лекцию «Достижения науки и техники» — так перед сыном со стыда сгорел: не слушают меня, и все, что хочешь, то и делай. И завуч по столу стучал, и его не слушают. Потом, правда, сын мне объяснил: раздевалку заперли и никого не пускали домой. У нас, говорит, часто так, когда какая-нибудь делегация приедет или мероприятие. Ребята на зло и разговаривают.

— Но техникум со школой не сравнить, тут обстановка другая. Здесь нет благополучных бездельников, кто только годы отсиживает. И здесь у директора права другие — стипендия, общежитие... Впрочем, общежития-то у нас семь лет и нет, живут на частных квартирах.

— Платит техникум?

— Техникум платит каждому по тридцать рублей, по нормам считается, что этого достаточно. А койка стоит в месяц сто рублей, получше — сто пятьдесят. Так некоторые одну койку на двоих снимают. И так — годами. Конечно, надоело. И вот вы как бы усумнились в природе нашего энтузиазма, а сомнений тут нет: надоело жить плохо, хотим жить хорошо! Разве не с этого начинались и субботники?

— Верно.

— Так и мы. Вот высуньтесь в окно.

— И побольше ламп СВЧ!

— Сколько здесь до переезда?

— Метров шестьсот.

— Но эти шестьсот метров надо пройти! И многим — два раза в день сюда и два раза отсюда. Сейчас лето и дня три дождя уже не было — а все равно лужи перескакивать. Никогда прилично не оденешься, из

сапог у нас не вылезают, в городе давно сухо, а мы туда чумазные приходим.

— Л а м!-п ы!

— Вот собрались и поговорили: до каких пор будем мучиться? Не аудитории, а каморки. Ни одного вечера не устроишь, если клубного зала не снимешь. По вечерам-то ребята больше всего истосковались.

— Т а л а н!-т ы!

— Лидия Георгиевна! А, Лидия Георгиевна!

— Я!

— Вас тут очень ребята спрашивают. Вы можете выбраться?

— Иду, хорошо! Простите меня!..

— Ну, это ж был знаменитый гол! — спиной к воротам и через себя, через голову, с конца штрафной площадки — пад самую перекладину!!

— Ваша шляпка? — уже нет! старо! Теперь носят — только в форме перевернутого цветного горшка!

— Марианна Казимировна, я вас потревожу...

— Часть подвала намечают забрать под тир, уж ребятам обещал.

— Я не уйду, Григорий Лаврентьич, я — на лестнице буду...

2

— ...Ну, кто тут меня? Здравствуйте, ребятки! Кого еще не видела — здравствуйте, здравствуйте!

— С победой, Лидия Георгиевна!

— ...Лидия Георгиевна!

— ...Георгиевна!

— С победой и вас, мальчики! И вас, девочки! Всех вас! — Лидия Георгиевна подняла руку высоко над головой, чтобы всем было видно, и затрепетала пальцами. — Заработали честно! — с победой и с новым учебным годом! На новом месте!

— Ура-а-а!!!...

— А кто там так старательно от меня прячется? Лина?! Ты косу срезала? Такую косу?!

— Да кто теперь их носит, Лидия Георгиевна!

— Ай-я-яй, что с нами делает мода, девочки-и!

В сине-зеленом костюмчике с выложенным поверх черным воротником блузки, подтянутая, очень складная, с открытым лицом, Лидия Георгиевна стояла на верхней площадке лестницы, у дверей учительской, и оглядывала молодежь, отеснившую ее с трех сторон — из узкого коридора справа, из узкого коридора слева и снизу по неширокой лестнице. Обычно здесь не было много света, но в сегодняшний солнечный день довольно было, чтобы различать все цвета, а здесь на косынках, платочках, блузках, платьях и ковбойских рубашках были, кажется, все цвета и оттенки их — белые, желтые, розовые, красные, голубые, зеленые и коричневые — пятнами, разводами, полосками, клетками и сплошными полями.

Девушки избегали стоять вплотную с юношами, но подружки с подружками и друзья с друзьями стояли тесно, слитно, переключивая подбородки через плечи впереди стоящих и подтягиваясь за шеи их, чтобы лучше видеть, — и все это вместе сияло, радовалось, шумело и чего-то ждало от Лидии Георгиевны.

Она озиралась, и ей хорошо было видно, как за лето преуспели новые девичьи прически: где-то еще мелькали, правда, и наивные короткие косички с цветными бантиками, и скромные приборчики, и менее скром-

ные чубчики, и просто кудри набок — но уже, о, как много стало этих по виду необхоженных, кой-как брошенных, полурастрепанных, а на самом деле очень рассчитанных копнышек — льняных, овсяных, пшеничных, гречневых, смоляных. А мальчики — и долгоногие и низкорослые, и худощавые и поплотней, — все были в этих пестрых рубашках и все, как один, с незастегнутыми воротами — и те, кто уже выкладывал покоряющий чуб, и у кого волосы были старательно зачесаны назад, и у кого торчали ежиком.

Здесь не было младших — тех почти детей, но и старшекурсники, столпившиеся здесь, все были еще в том незакоренелом, послушном возрасте, когда людей так легко повернуть на все хорошее. Это светилось сейчас.

Едва выйдя сюда из учительской, и все сразу увидя, и окунувшись в доверчивые глаза и улыбки, Лидия Георгиевна взволновалась — от этого ощущения высшей награды учителя: когда тебя вот так ждут и обступают.

А они не могли бы назвать, что они видели в ней, просто по свойству юности любили все непритворное: на лице ее никому нетрудно было прочесть, что она думает именно то, что говорит. И еще особенно узнали и полюбили ее за эти месяцы на стройке, куда приходила она не в праздничных костюмах, а только в темненьком и в косынке и где стеснялась так руководить, как называют в народе «руками водить»: ей стыдно было бы посылать других туда, куда сама не пошла бы. Она вместе с девочками мела, сгребала, подносила.

И вот хотя ей было скоро тридцать, и она была замужем, и имела двухлетнюю дочку — все равно все студенты только что не в глаза называли ее Лидочкой, и мальчишки гордились бросаться бегом по ее поручениям, которые давала она легким, но властным движением руки, а иногда — это был знак особого доверия или надежды — прикоснувшись кончиками пальцев к плечу посылаемого.

— Ну, Лидия Георгиевна! Когда переезжаем?

— Когда?!

— Ребятки, больше ждали! Подождем еще двадцать минут. Сейчас Федор Михеич вернется.

— А почему до сих пор не переехали?

— Там... недоделки какие-то...

— Всегда-а недоделки!

— Мы сами доделаем, пусть нас пустят!

Стройненький парень из комитета комсомола в рубашке в коричнево-красную клетку, который и вызывал-то Лидию Георгиевну из учительской, спросил:

— Лидия Георгиевна! Надо обсудить — как будем переезжать? Кто что будет делать?

— У меня, ребятки, идея такая...

— Тише вы, пингвины!

— Такая идея: машин будет две-три, они перевозить будут, конечно, станки и самое тяжелое. А все остальное, друзья, мы вполне можем перетасить, как муравьи! Ну, сколько тут...? Какое расстояние?

— Полтора километра.

— Тысяча четыреста, я мерил!

— Чем ты мерил?

— Счетчиком велосипедным.

— Ну, так неужели будем машин ждать неделю? Девятьсот человек! — что ж мы, за день не перетасим?

— Перета-шим!

— Перета-а-а-шим!!

— Давайте скорей, да здесь общежитие устроим!

— Давайте скорей, пока дождя нет!

— Вот что, Игорь! — Лидия Георгиевна повелительным движением приложила щепотку пальцев к груди юноши в красно-коричневой рубашке (у нее получалось это, как у генерала, вынувшего из кармана медаль и уверенно прикалывающего ее солдату). — Кто тут есть из комитета?

— Да почти все. На улице некоторые.

— Так! Сейчас соберитесь. Напишите, только разборчиво, список групп. Против каждой проставьте, сколько человек, и прикиньте, кому какую лабораторию, какой кабинет переносить — где тяжести больше, где меньше. Если удастся — придерживайтесь классных руководителей, но чтобы ребятам было по возрасту. И сейчас же мы с таким проектиком пойдем к Федор Михенчу, утвердим — и каждую группу прямо в распоряжение преподавателя!

— Есть! — выпрямился Игорь. — Эх, последнее заседание в коридоре, а там уж у нас комната будет! Алё! Комитет! Генка! Рита! Где соберемся?

— А мы, ребятки, пошли на улицу! — звонко кликнула Лидия Георгиевна. — Там и Федор Михенча раньше увидим.

Повалили громко вниз и на улицу, освобождая лестницу.

Снаружи на пустыре перед техникумом, где плохо привились маленькие деревца, было еще сотни две ребят. Третьекурсники вакуумного все так же стояли тесной гурьбой, девушки — обмышку и, друг другу глядя в глаза, настаивали:

— И побольше ламп СВЧ!

Младшие играли в третьего лишнего и в догонялки. Догнав, с аппетитом врезали ладонью между лопатками.

— Зачем по спине лупишь? — возмутилась кругленькая девочка.

— Не по спине, а по хребтине! — важно поправил ее мальчишка в приплюснутой кепочке и с волейбольной камерой за поясом. Но заметив, как Лидия Георгиевна угрожала ему пальцем, сам же прыснул и побежал.

Еще моложе — поступившие из семилеток новички — стояли кучками, чисто одетые, робкие и на все внимательно оглядывались.

Несколько мальчиков пришли с велосипедами и катали девочек на рамах.

По небу шли белые пуховые облака, как взбитые. Иногда они закрывали солнце.

— Ой, хоть бы дождя не было! — вздыхали девчонки.

Особняком стояли и разговаривали трое четверокурсников с радиотехнического отделения — две девушки в блузках и юноша в рубашке, все навыпуск. Блузки девушек были в незатейливую полоску, рубашка мальчика — резкого желтого цвета и вся запятнана причудливыми изображениями пальм, кораблей и катамаранов. Лидия Георгиевна отметила эту разницу, и у нее пробежала давно удивляющая ее мысль: раньше — старшие братья ее и потом ее сверстники — одевались как-то очень просто, серенько; все цвета, украшения и придумки принадлежали девушкам, как и должно быть. Но вот с какого-то года началось неестественное состояние — мальчики стали одеваться с большой заботой и даже пестрее, цветнее девочек, надевать какие-то и носки бешеного цвета, как будто не им предстояло ухаживать, а за ними; и все чаще не они брали девушек под руку, а девушки брали их. Лидию Георгиевну смутно беспокоила эта неестественность, она боялась, что мальчики теряют здесь что-то внутренне важное.

— Ну, Валерик,— спросила она у этого юноши в желтой рубашке с катамаранами.— Как ты ощущаешь, за лето — поумнел?

Валерик улыбнулся снисходительно:

— Где уж нам, Лидия Георгиевна! Поглупел, конечно.

— И тебя это не беспокоит? Вот тебя девушки не будут... уважать.

— Бу-удут!

По лицам обеих девушек видно было, что его уверенность имеет основание.

— А что ты за лето прочел?

— Да почти ничего, Лидия Георгиевна,— все так же снисходительно отвечал Валерик. Ему, кажется, не очень хотелось продолжать этот разговор.

— Но почему же? — расстроилась Лидия Георгиевна.— Зачем же я тебя учила?

— Наверно, по программе надо было,— рассудил Валерик.

— А если книжки читать — тогда уж ни кино, ни телевизора!.. Когда же успеть-то? — затараторили обе девушки.— Телевизор — без выходов!

Подходили и другие четверокурсники.

Лидия Георгиевна нахмурилась. Лоб ее был далеко открыт заброшенными назад пышными светлыми волосами, и видно было все огорчение ее и все затруднение.

— Конечно, ребятки, не в нашем же техникуме, где вы изучаете телевизоры, мне вас агитировать против телевидения. Смотрите на здоровье, но все-таки... с выходными. И всё же... не приравняйтете. Телевизионная передача — это мотылек, она живет один день...

— Зато интересно, живо! — настаивала молодежь.— И танцуют...

— И на лыжах с трамплина!..

— И мотогонки!..

— А книга живет? — в к а! — воскликнула Лидия Георгиевна грозно, но улыбаясь.

— Книга? И книга — один день! — возразил очень серьезный мальчик, сутулый, даже почти с горбом.

— Откуда ты это взял?! — возмутилась Лидия Георгиевна.

— А вон, в книжный магазин пойдите,— сказал сутулый мальчик.— На витринах сколько этих романов желтеет, полки все ими забиты. Через год придешь — и стоят на том же месте. Я в одном дворе с магазином живу, знаю: их потом складывают и назад увозят. Шофер говорит: в макулатуру, опять на бумагу. Так для чего печатали?

В позапрошлом учебном году эти ребята кончали у нее второй курс, но ничего подобного не говорили! Они тогда так исправно отвечали все, что требуется, и получали четверки и пятерки!

Начинался разговор, который не здесь — на ногах, у входа и под общий галдеж — надо было вести. Но и бросить его не хотелось, нельзя было.

— Так надо же посмотреть еще, как и е книги увозят!

— Я смотрел, пожалуйста, вам скажу! — настаивал на своем сутулый мальчик, и косая умная морщинка легла через его лоб.— Некоторые из них и в газетах очень хвалили...

Но другие говорили свое и забили его. Аникин, круглый отличник, здоровяк с фотоаппаратом через плечо, протеснился и сказал (его всегда слушали):

— Лидия Георгиевна, давайте говорить откровенно. Вы нам на прошанье дали длиннющий список книг. Но какую ни возьми — ведь меньше пятисот страниц нет. Сколько ее читать? Два месяца? А то так эпопея, трилогия, продолжение следует. Для кого их печатают, а?

— Для критиков! — отозвались ему.

— Деньги зарабатывать!

— Вот разве что! — согласился Аникин. — Потому что человеку техническому, а таких у нас в стране большинство, — надо же читать когда-то и свою техническую литературу, и свои специальные журналы, иначе болван будешь, с завода выгонят, и правильно.

— Правильно! — кричали ребята. — А спортивные журналы когда читать?

— А «Советский экран»?

— Лидия Георгиевна, — разошелся Аникин, — в наш век писать длинно — это со стороны литераторов, по-моему, просто бессовестно! Почему мы в наших схемах должны искать самые экономные решения? При защите дипломных проектов — я в прошлом году присутствовал — все время перебивают: а короче нельзя? а проще? дешевле? А в «Литературной газете» что пишут? Мол, в образах схематичность, в композиции расхлябанность, но зато какие высокие идеи! Все равно, как у нас бы сказать: ток идти не будет, работать устройство не будет, но зато как правильно выбраны конденсаторы! Почему не скажут: такой-то роман надо было написать в десять раз короче! А таким-то нечего было и мозги загромождать!

— Ну, насчет краткости я согласна! — решительно сказала Лидия Георгиевна, выбрасывая руку вперед.

Все увеличивающаяся вокруг нее кучка взывала удовлетворенно. За это и любили ее ребята, что она не солжет: согласна так согласна.

— Но поймите, ребята! Книга запечатлевет нашего современника, нас самих и наши великие свершения!..

— Теперь мемуары! — из третьего ряда закричал, торопясь, мальчик в очках, со смешным коротким ежиком. — Каждый, кто лет пятьдесят прожил, обязательно печатает мемуары: как родился, как женился, это ж каждый дурак может написать!

— Смотри как написать! — прогремела учительница. — Если — о времени и о себе!

— И чего только вспоминают! — возмущался очкастый. — Приступ лихорадки застал меня в огороде! Приехал в город, а в гостинице мест нет!..

Его отгеснили и заглушили.

— Насчет сжатости, Лидия Георгиевна, дайте слово! — И как бы поднял руку.

— Насчет классиков дайте скажу!.. — И тоже как бы поднял.

Видя их возбужденные лица, Лидия Георгиевна улыбалась счастливо. Пусть волнуются, пусть наседают — спорящих можно переуверить. Лишь равнодушия больше всего она боялась в молодежи.

— Ну! — дала она слово тому, кто просил насчет сжатости.

Это был взъерошенный Чурсанов в серой рубашке с вывернутым и уже подлатанным воротником. Отец его умер, у матери-дворничихи он был не один, были еще меньше, поэтому после седьмого класса он понужден был в техникум. По литературе и русскому языку он тянулся, правда, между двойкой и тройкой, но еще с пионерских лет сам собирал приемники и в техникуме считался гениальным радистом: он повреждение умел искать без схемы, как будто чувствовал, где оно.

— Слушайте! — объявил Чурсанов резким голосом. — Аникин верно сказал: времени мало, надо экономить. Поэтому что я делаю? Художественной литературы — вообще не читаю!

Расхохотались.

— Ты же просил насчет сжатости!

— А я — насчет чего? — удивился Чурсанов. — Я — радио включу, последние известия, обозреватель, пожалуйста, а сам одеваюсь, или обедаю, или чего руками дома делаю — вот и экономлю время.

Опять смеялись.

— Чего гогочете? — удивлялся Чурсанов.

— И совсем не смешно! — поддержала Марта Почтенных, крупная широколицая некрасивая девушка с богатыми черными косами вроспуск на концах. — Лидия Георгиевна, а вы не согласны? Книгу интересно какую читать? Когда из нее можно узнать, чего больше нигде не узнаешь, только вот в ней! А если в книге то же самое, что по радио, и то же самое, что в газете, — так на что она и книга? В газете — короче, ясной...

— И — правильной! Уж газета не ошибется! — крикнули еще.

— А — форма? — кокетливо спросила их розовенькая девушка со светлыми кудерьками по плечи.

— Чего — форма? В газете разве форма плохая?

— Ху-до-же-ствен-на-я! — на каждом слоге покачивая головкой, сказала розовенькая.

— В чем форма? — недоумевал Чурсанов. — Что кто-нибудь кого-нибудь полюбит, ты это ищешь?

— Да друзья мои, ну, конечно же, форма! — горячилась уже и Лидия Георгиевна и собранную горсточку пальцев, как бы самое любимое убеждение, поднесла к своей груди. — Ведь книга должна нам дать глубины психологии, объяснить нам тонкие...

Но ее уже обстояли со всех сторон, не все ее слышали, а говорили и гадали друг с другом.

Лицо Лидии Георгиевны расплалось.

— Нет, погодите! — смиряла она бунтарей. — Я вам этого так не оставлю! Теперь у нас будет большой актовый зал, в сентябре же устроим диспут, и я, — она властно положила руки на плечи Аникина и Почтенных, — вытаску на трибуну всех, кто сейчас выступал, и что-бы вы...

— Едет! Едет!! Едет!!! — закричали младшие, а потом и старшие. Младшие забежали друг за другом еще, еще быстрее, старшие расступились, обернулись. Из окон второго этажа высунулись учителя и студентки.

От переезда, трудно покачиваясь на бугорках и иногда расшлепывая лужи колесом, сюда шел побитый грузовый техникумский «газик». Уже видно было через стекло кабины и директора с шофером, которых перекачивало вправо и влево. Те ученики, которые бросились навывередки с криками встречать директора, первые заметили, что лицо Федора Михеевича почему-то совсем не радостно.

И замолчали.

По обе стороны грузовика они сопроводили его, пока он остановился. Федор Михеевич, в простом и не новом синем костюме, приземистый, с непокрытой, уже седеющей головой, вышел из кабины и осмотрелся. Ему надо было идти ко входу, но заставлена была и прямая дорожка туда, и с боков подковою плотно стояла молодежь, смотрела и ждала. А у самых нетерпеливых вырывалось сперва потише:

— Ну как, Федор Михеич?

— Когда?

— Когда?..

Потом и громче из задних рядов:

— Переезжаем?

— Когда переезжаем?

Он еще раз обвел десятки ждущих спрашивающих глаз. Видно, что ответа не донести было до второго этажа, ответить было здесь. «Когда?», «Когда переезжаем?» — эти вопросы ребята задавали всю весну и все лето. Но и директор, и классные руководители только усмехались: «От вас зависит. Как работать будете». Сейчас же Федору Михеевичу осталось вздохнуть и сказать, не скрыв досады:

— Придется, товарищи, немного подождать. У строителей не все готово.

У него голос был всегда глуховатый, как простуженный.

Толпа студентов вздохнула.

— Опять подождать...

— Опять не готово!..

— Так послезавтра ж — первое сентября!..

— Так что? Опять на квартиры идти?..

Студент в ярко-желтой рубашке с катамаранами усмехнулся и сказал своим девушкам:

— Я вам говорил? Как закон. И это еще не все, подождите.

Стали кричать:

— А мы сами доделать не можем, Федор Михеич?

Директор улыбнулся:

— Что? — понравилось самим? Нет, этого — не можем.

Девочки из переднего ряда убежденно уговаривали:

— Федор Михеич! А давайте все равно переедем! Ну что там осталось?

Директор, широколобый, ширококостый, смотрел на них с затруднением:

— Ну что, девочки, я вам буду все объяснять?.. Ну кой-где полы не высохли...

— А мы там ходить не будем!

— Доски проложим!

— ...Шпингалетов многих нет...

— Ну и пусть, сейчас лето!

— ...Отопительную систему еще надо опробовать...

— Фу! Так это к зиме!

— ...Да и еще там мелочей разных...

Федор Михеевич только махнул рукой. На лбу его согналось много морщинок, и все горизонтальные. Не рассказывать же было ребятам, что нужен акт о приемке здания; что подписывают его подрядчик и заказчик; подрядчик-то, пожалуй, и подпишет, ему бы сдать поскорей, да и Федору Михеевичу так дорого сейчас время, что и он подписал бы, если б техникум сам был заказчик; но заказчиком техникум быть не мог, потому что не имел штатов для архитектурного контроля; вместо него заказчиком был отдел капитального строительства завода релейной аппаратуры, а заводу этому совсем нечего было спешить и нарушать порядок. Директор завода Хабалыгин, который все лето обещал Федору Михеевичу, что в августе примет здание в любом случае, недавно сказал: «Нет уж, товарищи! Пока последнего шурупа не ввернут, мы акта не подпишем!» По сути-то он был и прав.

А девчонки ныли:

— Ой! Так хочется переехать, Федор Михеич! Так настроились!

— Чего вы настроились?! — резко то прикрикнул на девочек Чурсанов, стоявший выше других на бугорке. — Так и так на месяц в колхоз поедем, не все равно из какого здания — из того или из этого?

— Да-а-а!.. В колхоз!.. — вспомнили и другие. За летним строительством они и забыли.

— В этом году не поедем! — твердо сказала Лидия Георгиевна сади.

Тут только заметил ее Федор Михеевич.

— Почему не поедем, Лидия Георгиевна? Почему? — стали ее спрашивать.

— Надо областную газету читать, друзья мои! Статья была.

— Статья-а..?

— Все равно поедем...

Федор Михеевич рассторонил студентов и пошел к дверям. Лидия Георгиевна нагнала его на лестнице. Лестница такая и была как раз, чтоб только двоим идти рядом.

— Федор Михееч! Но в сентябре-то они сдадут?

— Сдадут, — ответил он рассеянно.

— У нас есть хороший план — как все переташить с обеда субботы до утра понедельника. Так что мы учебного дня не потеряем. Раскрепим все группы по лабораториям. Комитет сейчас делает.

— Очень хорошо, — кивал директор, думая о своем. Его смущало все-таки, что недоделки действительно оставались ничтожные, и заказчик мог это предвидеть две и три недели назад, и вполне можно было ускорить и принять здание. Но в некоторых мелочах было так, будто заказчик сам затягивал.

— Теперь, Федор Михееч!.. Мы на комитете обсуждали Енгальчева, и он нам слово давал, мы за него ручаемся. С первого сентября верните ему стипендию! — Она смотрела просительно и убежденно.

— Заступница, — покачал головой директор и посмотрел на нее голубоватыми глазами. — А он — опять?

— Нет, нет! — уверяла она уже на верху лестницы, в виду других преподавателей и секретаря.

— Ну, смотрите.

Он пошел в свой небольшой кабинетик, тем временем послав за завучем и заведующими отделениями. Он хотел от них услышать и убедиться, что они готовы начать новый год при всех обстоятельствах и необходимое для этого сделали уже и без него.

Вообще Федор Михеевич за долгие годы в этом техникуме старался руководить так, чтобы побольше крутилось без него и поменьше требовалось его единоличных решений. Окончив еще до войны институт связи, он же не мог вникнуть во все новые специальности быстроизменяемой техники и быть умнее своих инженеров. Человек умеренный, нечестолюбивый, он понимал роль руководителя не как капризного прихотника, а лишь как точку благообразного завершения и соединения друг другу доверяющих, друг к другу приработавшихся людей.

Секретарь Фаина, очень независимая и уже не совсем молодая девушка, обвязанная цветной косышкой под подбородок так, что свободный конец ее от быстрого хода треугольным флажком трепыхался позади темени, внесла, положила перед директором заполненный диплом и открыла пузырек с тушью.

— Что это? — не понял Федор Михеевич.

— Это — Гомозиной диплом, которая по болезни защищала вот...

— А-а...

Он проверил перо, макнул еще, потом пальцами левой руки плотно, как браслетом, охватил кисть правой и тогда только расписался.

В его второе ранение, в Трансильвании, ему не только ключицу сломало и она срослась неровно, но и сильно контузило. Он стал слышать хуже, и еще дрожали у него руки, так что ответственной подписи он не давал одною правою рукой.

Часа через полтора многие разошлись. Остались те преподаватели с лаборантами, кому надо было готовить практические занятия. Толпились студенты в бухгалтерии регистрировать частные квартиры. Лидия Георгиевна с комитетом составили свой план, как перебираться, и утвердили его у директора и заведующих отделений.

Федор Михеевич еще сидел с завучем, когда Фаина с трепыханием флажка на голове ворвалась в кабинет и сенсационно объявила, что идет с переезда две «волги» и не иначе, как сюда. Директор выглянул в окно и увидел, что две «волги» — цвета морской волны и серая, — переваливаясь на бугорках, шли действительно сюда.

Без сомнения, это могло быть только начальство, и полагалось бы спуститься встретить его. Но никакого начальства он не ждал и остался стоять у открытого окна второго этажа.

Большие белые клубящиеся облака с заметной скоростью переходили по небу.

Легковые подружили ко входу, и из них вышло пять человек в шляпах: двое — в твердых зеленых, как было принято среди руководства в этом городе, остальные — в светлых. Переднего Федор Михеевич тут же и узнал: это был Всеволод Борисович Хабалыгин, директор завода релейных приборов и он же — «титлодержатель» на постройку нового здания техникума. Он был начальник большой руки и ворочал не такими делами, как Федор Михеевич, но относился к нему всегда приязненно. Сегодня с утра уже дважды Федор Михеевич звонил Хабалыгину — попросить, чтобы тот смягчился и все-таки разрешил бы своему ОКСу принять здание техникума с перечнем недоделок. Но оба раза ему ответили, что Всеволода Борисовича нет.

Сейчас у Федора Михеевича мелькнула догадка, и он сказал своему высокому художнику, как жердь, завучу:

— Слушай, Гриша! Может, это комиссия, чтоб ускорить, а? Вот бы!

И он поспешил встретить гостей. Деловой суровый завуч, которого очень боялись студенты, пошел за ним.

Федор Михеевич только успел спуститься на один марш — и уже все пятеро друг за другом поднимались к той же площадке. Первым шел невысокий Хабалыгин. Ему не было еще шестидесяти, но он очень огрузнел, давно миновал седьмой пуд веса и изнемогал от толщины. Виски его были посеребрены.

— А-а,— одобрительно протянул он руку директору техникума. И, взойдя на площадку, обернулся.— Вот,— сказал он,— товарищ из нашего министерства.

Товарищ из министерства был моложе гораздо, но тоже дебил порядочно. Он дал на мгновение Федору Михеевичу подержать концы своих трех белых, нежных пальцев и прошел выше.

Впрочем, «наше» министерство уже второй год сюда не относилось, с тех пор как техникум отошел к совнархозу.

— А я ведь вам два раза звонил сегодня! — обрадованно улыбался Федор Михеевич Хабалыгину и тронул его за рукав.— Я очень хотел вас просить...

— Вот,— сказал Хабалыгин,— товарищ из комитета по делам...— Он и назвал, по каким именно делам, но Федор Михеевич растерялся и недослышал.

Товарищ из Комитета по Делах был и вовсе молодой человек, странный, хорош собой и до мелочей модно одетый.

— А вот,— сказал Хабалыгин,— инспектор по электронике из...— Он и назвал, откуда «из», но при этом стал уже подниматься по лестнице, и Федор Михеевич опять недослышал.

Инспектор по электронике был низенький черненький вежливый человек с небольшими, лишь под носом, черными усиками.

А последним шел инструктор промышленного отдела обкома партии, которого Федор Михеевич хорошо знал. Они поздоровались.

В руках ни у кого ничего не было.

На верхней площадке около перил, замыкающих пролет, стоял, как солдат, вытянувшийся строгий завуч. Одни кивнули ему, другие нет.

Поднял вверх свое уширенное тело и Хабалыгин. На узкой лестнице техникума, пожалуй, ни пойти с ним рядом, ни разминуться было нельзя. Поднявшись, он отпыхивался. Только постоянно оживленный, энергичный его вид отклонял желание посочувствовать ему — как в ходьбе и движении он борется со своим изобильным телом, вся неблагоприятная жирность которого еще была припрятана умелыми портными.

— Пройдемте ко мне? — пригласил Федор Михеевич наверху.

— Да нет, что ж рассиживаться! — возразил Хабалыгин. — Веди нас, директор, сразу показывай, как живешь. А, товарищи?

Товарищ из Комитета по Делах, отодвинув рукав импортного пыльника, посмотрел на часы и сказал:

— Конечно.

— Да как живу? — вздохнул Федор Михеевич. И поправился на множественное: — Не живем, а мучаемся. В две смены. В лабораториях не хватает рабочих мест. В одной комнате разные практикумы, то и дело приборы со столов убирать, новые ставить.

Он смотрел то на одного, то на другого и говорил таким тоном, будто оправдывался и извинялся.

— Ну, уж ты распишешь та-кого! — заколыхался не то в кашле, не то в смехе Хабалыгин. Обвисающие складки на его шее, как гривенка у вола, тоже заколыхались. — Удивляться надо, как ты семь лет тут прожил!

Федор Михеевич поднял кустистые светлые брови над светлыми глазами:

— Так, Всеволод Борисович, не столько ж было отделений! И потоки меньше!

— Ну, веди-веди, посмотрим!

Директор кивнул завучу, чтобы везде было открыто, и повел показывать. Гости пошли, не снимая плащей и шляп.

Вошли в просторную комнату с обмыкающими стеллажами по стенам, забытыми аппаратурой. Преподаватель, лаборантка в синем халатике и студент-старшекурсник, тот самый Чурсанов с залатанным воротом, готовили практикум. Комната была на юг и залита солнцем.

— Ну! — сказал Хабалыгин весело. — Чем плохо? Прекрасное помещение!

— Но вы же поймите, — обиделся Федор Михеевич, — ведь здесь три лаборатории одна на другой: основ радиотехники и антенн, радиопередающих устройств и радиоприемных устройств.

— Ну так что из этого?! — Товарищ из министерства тоже обиженно повернул крупную взрачную голову. — А вы думаете, у нас в министерстве после реорганизации столы просторнее стоят? Еще тесней.

— И тем более — родственные лаборатории! — Хабалыгин, очень довольный, похлопал директора по плечу. — Не прибедряйся, товарищ дорогой, не прибедряйся!

Федор Михеевич взглянул на него озадаченно.

Хабалыгин время от времени двигал губами и тяжелыми щеками, будто только что прилично закусил, но еще не почистил зубов и кое-где там застряла еда.

— А это — зачем? — Товарищ из Комитета по Дела́м стоял перед странными, очень уж просторными, как на великана, резиновыми сапогами с закатанными голенищами и чуть потрагивал их острым носком полуботинка.

— Высоковольтные боты, — тихо пояснил преподаватель.

— Боты??

— Высоковольтные! — громко крикнул Чурсанов с дерзостью человека, которому нечего терять.

— А-а-а, ну да, ну да, — сказал товарищ из Комитета по Дела́м и прошел за другими.

Инструктор обкома, выходя последним, спросил у Чурсанова:

— А зачем они?

— Когда передатчик ремонтируют, — ответил Чурсанов.

Федор Михеевич собрался показывать каждую комнату, но, миновав несколько, гости вошли в аудиторию. На стенах висели таблицы английских времен и наглядные картинки. Полки шкафа были загромождены стереометрическими моделями.

Инспектор по электротехнике пересчитал столы (их оказалось тринадцать) и, двумя пальцами пригладив свои колкие усики, спросил:

— По сколько человек у вас в группах? По тридцать?

— Да, в основном...

— Значит, по трое — не сидят.

Пошли дальше.

В небольшой лаборатории телевидения штук десять телевизоров разных марок, новехонькие и полуразобранные, стояли на столах.

— Работают? Все? — кивнул на них товарищ из Комитета по Дела́м.

— Каким надо — те работают, — тихо ответил молодой франтоватый лаборант. На нем был песочный костюм с каким-то техническим значком в лацкане и яркий галстук.

Лежала пачка инструкций к работам, и, перекладывая их, инспектор прочитывал вполголоса:

— «Настройка телевизора по испытательной таблице», «Использование телевизора в виде усилителя», «Построение сигналов изображения»...

— Ну вот, тут и стеллажей нет, обходитесь! — заметил Хабалыгин.

Федор Михеевич все меньше понимал — чего же хотела эта комиссия?

— Так потому, что всё — рядом, в препараторской. Покажи, Володя.

— Еще и препараторская есть? Замечательно живете!

Дверь в препараторскую была, как в кладовку, — меньше обычной. Тонкий, изящный лаборант легко туда вошел, товарищ из министерства не без труда впучился за ним, но сразу почувствовал, что там не походишь. Остальные только засовывали туда головы, по очереди.

Препараторская оказалась узким ущельем между двумя рядами стеллажей до потолка. Лаборант жестами экскурсовода проводил рукою снизу доверху:

— Вот имущество телевизионной лаборатории. Вот — лаборатории электропитания. Вот — радиотехнических измерений.

Приборы со стрелками, ящики черные, коричневые и желтые забивали все полки.

— А это зачем? — ткнул пальцем товарищ из министерства.

Он доглядел, что лаборант все-таки выиграл место на стене, и в этом местечке, не заставленном приборами, приколата была цветная вырезка по контурам — погрудный портрет молодой женщины. Из нашего журнала или из заграничного была вырезана эта грешница, понять без подписи было нельзя — а просто была красивая женщина с темно-каштановыми волосами, в блузке с красной прошивкой двумя дугами. Подбородком

касясь переплетенных рук своих, оголенных до локтей, она склонила голову чуть набок и смотрела взглядом совершенно не служебным на молоденького лаборанта и на опытного товарища из министерства.

— Вот, говорите — места нет,— буркнул тот, с трудом разворачиваясь на выход,— а черт-те что развешиваете.

И, еще разок покосившись на красавицу, вышел.

По техникуму уже пронеслась весть о какой-то страшной комиссии, и там и сям то выглядывали из дверей, то мелькали по коридору лица.

Лидия Георгиевна попалась комиссии как раз навстречу. Она посторонилась, как бы влипла спиной и ладонями в стену, и проводила их тревожным взглядом. Она не слышала их разговора, но по виду директора могла понять, что совершается что-то неладное.

Федор Михеевич задержал под локоть инструктора обкома и, отстав с ним, спросил тихо:

— Слушай! А кто вообще эту комиссию прислал? Почему из совнархоза никого нет?

— Виктор Вавилыч мне велел сопровождать, я и сам не знаю.

Все на той же верхней лестничной площадке Хабалыгин прокашлялся, еще поколыхав лишними желтоватыми складками жира на шее, и закурил.

— Та-ак. Ну, и дальше в том же роде.

Товарищ из Комитета по Делах посмотрел на ручные часы:

— В общем, ясно.

Инспектор по электронике прогладил двумя пальцами усики и ничего не сказал.

Товарищ из министерства спросил:

— Кроме этого — сколько еще зданий?

— Еще два, но...

— Еще-о два?!

— Но — каких? Одноэтажных. Совсем не удобных. И разбросаны. Пойдемте посмотрим.

— Там и мастерские?

— Да вообще вы понимаете, в каких условиях мы живем? — приходя в себя от какой-то скованности гостеприимства или зачарованности высоким положением гостей, заволновался Федор Михеевич. — Ведь у нас нет общежития! — вот это здание теперь пойдет под общежитие. Ребята и девочки живут на частных квартирах по всему городу, иногда слышат ругань, пьянство наблюдают. Вся воспитательная работа у нас к черту летит, где ж ее проводить? — на этой лестнице?

— Ну! Ну-у! — раздались протестующие голоса комиссии.

— Воспитательная работа — это в ваших руках! — строго сказал молодой человек из Комитета по Делах.

— Тут уж вы ни на кого не ссылайтесь! — добавил инструктор обкома.

— Тут уж вам оправданий нет... — развел короткими руками и Хабалыгин.

Федор Михеевич невольно покрутил головой и даже потряс плечами — то ли чтоб его не жалили со всех сторон, то ли чтобы стряхнуть с себя это беспомощное положение отвечающего. Если самому не спросить — видно, ничего не поймешь и не узнаешь. Кустистые белые брови его сошлись.

— Простите. Я все-таки хотел бы знать — кем вы уполномочены? И по какому вопросу?

Товарищ из министерства приподнял шляпу и отер лоб платком. Без шляпы он был еще представительней. Волосы, хотя уже и редкие, но очень величавые, украшали его темя.

— А вы еще не знаете? — покойно удивился он. — Имеется такое постановление нашего министерства и вот, — он кивнул, — комитета, что важный номерной научно-исследовательский институт, запланированный открыт в вашем городе, будет размещен в тех зданиях, которые первоначально предполагалось отдать вашему техникуму. Так ведь, Всеволод Борисович?

— Так. Так, — подтвердил Хабалыгин кивками головы в твердой зеленой шляпе. — Так, так, — с сочувствием посмотрел он на директора техникума и дружески потрепал его по плечу. — Годика два, товарищ дорогой, ты еще впо-олне пробудешь здесь, а за это время тебе новое здание отстроят, еще лучше! Так и а д о, милый, не горюй. Так надо! Для пользы дела.

И без того приземистый, Федор Михеевич еще осел и странно смотрел, будто его перелобанили прямым ударом палки.

— А как же... — совсем не главное пришло ему на язык, — мы тут не красили, не ремонтировали?.. — Когда Федор Михеевич расстраивался, голос его, и без того простуженный, очень падал, до сиплости.

— Ну-у, ничего! — успокаивал Хабалыгин. — Небось в прошлом году красили.

Товарищ из Комитета по Делаам спустился с одной ступеньки.

Было так много, так много сразу сказать им, что директор техникума и вовсе не находился, что же сказать.

— Но какое отношение я имею к вашему министерству? — сипло протестовал он, заступая дорогу гостям. — Мы — местный совнархоз. Для такой передачи вам надо иметь решение правительства!

— Совершенно верно, — мягко отстранила его комиссия, уже спускаясь. — Вот мы и подготовляем материалы для такого решения. Через два дня оно будет.

И все пятеро они пошли вниз, а директор стоял, взявшись за верхние перила, и смотрел в пролет неосмысленно.

— Федор Михеич! — выступила из коридора Лидия Георгиевна, почему-то держась за горло — загоревшее на стройке горло, открытое отложным воротником. — Что они сказали, Федор Михеич?

— Здание забирают, — совсем невыразительно, малозвучным, осевшим голосом сказал директор, не посмотрев на нее.

И пошел в свой кабинет.

— Как? Ка-ак? — не сразу вскрикнула она. — Новое? — забирают?! — И побежала за ним, цокая каблучками. В двери кабинета она соткнулась с бухгалтершей, оттеснила ее и вбежала за директором.

Он медленно шел к своему столу.

— Слу-у-ушайте! — почти пропела Лидочка ему в спину не своим голосом. — Слу-у-ушайте! Зачем же так несправедливо? Ведь это же несправедливо! — все громче кричала она — то самое, что и он должен был им крикнуть, но он же был директор и не женщина. Откуда-то много слез щедро катилось по ее лицу. — Что ж мы ребятам скажем? Значит, мы ребят — о б м а н у л и?..

Кажется, никогда он ее и не видел плачущей.

Директор сел в свое кресло и бессмысленно смотрел в стол перед собой. Весь лоб его сложился в одни морщинки — мелкие и все горизонтальные.

Бухгалтер — старая сухенькая женщина с узлом жидких волос на затылке, стояла тут же с чековой книжкой в руках.

Она все слышала и поняла. Она бы ушла сейчас и не надоедала, но она только что звонила в банк и ей ответили, что можно приехать получить. Чек уже был выписан, проставлена сумма, дата.

И она все-таки подошла, положила перед директором длинную книжку с голубыми полосками и придерживала ее рукой.

Федор Михеевич омакнул перо, браслетом пальцев левой руки охватил кисть правой и поднес уже расписаться — но, даже сцепленные, руки его плясали.

Он попробовал расписаться на бумажке. Перо начало писать непохожее что-то, потом ковырнуло бумагу и брызнуло.

Федор Михеевич поднял глаза на бухгалтера и улыбнулся.

Бухгалтер закусила губы, взяла чековую книжку и вышла поспешно.

4

Все это так сразу обвалилось на директора, комиссия прошла так победно и быстро, что он при ней не доискался нужных слов и по уходу ее не мог сообразить нужного порядка действий.

Он позвонил в совнархоз, в отдел учебных заведений. Там только всё и услышали от него, возмутились и обещали выяснить. Это могло бы его подбодрить.

Но не подбодрило.

Комиссия-то приезжала неспроста...

Федору Михеевичу было так стыдно сейчас — стыдно перед студентами, перед преподавателями, перед всеми, кого он призывал строить, уверенно обещая им переезд; и было у него так разрушено сейчас все, что он месяцами и даже годами со своими помощниками обсуждал над планом здания, — что ему легче теперь было бы, кажется, сменить свою собственную квартиру на худшую, только б новое здание отдали техникуму.

В голове у него затмилось, и чего-то он никак не мог сообразить.

Никому ничего не сказав и на голову ничего не надев, он вышел наружу, чтобы прояснилось.

А выйдя, пошел к переезду, не замечая этого сам, все перетеребливая в уме те десятки жизненных важностей, которые терял техникум вместе с новым зданием. Перед ним опустился шлагбаум — Федор Михеевич остановился, хотя мог поднырнуть. Издали показался длинный товарный поезд. Он подкатил и с грохотом пронесся под уклон. Ничего этого Федор Михеевич не заметил сознательно. Шлагбаум подняли — он пошел дальше.

Когда он ясно понял, где он, — это было уже во дворе нового здания. Ноги сами принесли его сюда. Парадный ход, полностью отделанный и отзеркаленный, был заперт. Федор Михеевич шел со двора, уже распланированного, очищенного и приведенного в порядок студентами. Двор был велик, на нем предполагали развернуть хорошую физкультурную площадку.

Во дворе стоял грузовик строителей, и сантехники с шумом бросали в него какие-то кронштейны, трубы, еще что-то, но Федор Михеевич не придал значения.

Он вошел внутрь и с удовольствием гулко шел по каменным плиткам просторного вестибюля с двумя гардеробными по бокам на тысячу мест. Поворотные треугольники из алюминиевых труб с крючками и рожками для шапок сверкали там — и как будто от этого их блеска просветилось директору то простое, чего он до сих пор не подумал, потому что думал все время за техникум, а не за нового хозяина: да что же будет этот институт делать с таким зданием? Вот эти раздевалки, например, надо сломать, потому что в институте не будет и ста человек. А физкультурный зал с огромной шведской стенкой, вделанными кольцами, турником, решетками и сетками на окнах? Это все теперь срывать и выворачивать?

А мастерские с бетонными основаниями — по числу учебных станков? А вся система электропроводки? А вся планировка здания по аудиториям? Доски? Большая аудитория амфитеатром? Актовый зал?.. А...?

А между тем мимо него прошли маляры, прошли два плотника с инструментом — и все к выходу.

— Э! Слушайте! — опомнился директор. — Товарищи!

Те уходили.

— Братцы!

Те обернулись.

— Куда это вы? Время рабочее!

— Всё-о, директор! — весело сказал младший из плотников, а старший мрачно пошел своей дорогой. — Закуривай! Мы уходим.

— Да куда уходите?

— Снимают. Начальство приказало.

— Как снимают?

— Ну, как снимают, не знаешь? На другой объект. Чтоб сегодня же в одномашку там приступить. — И еще прежде замечав, что седенький директор этот — мужик не гордый, плотник вернулся и похлопал его по руке: — Закурить-то дай, директор.

Федор Михеевич протянул ему помятую пачку.

— Да где ж начальник стройучастка?

— У-ехал уже! Самый первый.

— А что сказал?

— Сказал: кончай, это уже не наше! Другая власть забирает.

— Ну, а доделывать кто? — рассердился Федор Михеевич. — Чего скалишься-то? Сколько тут доделать осталось, а? — Он когда супил брови, у него лицо выходило сердитое.

— Фу-у! — уже дымя и догоняя товарищей, крикнул плотник. — Не знаешь, как делается? Сактируют, передадут под копирочку — все в порядке, приветик!

Федор Михеевич проводил взглядом веселого плотника в измазанной спецовке. Убегал, сверкая подковками ботинок, тот самый совнархоз, который пришел на это злополучное, три года в фундаменте застывшее здание и поднял его, обвершил и озеркалил.

Совнархоз убегал, но мысль о переделках, о неисчислимых и совершенно нелепых переделках в этом здании вернула директору силу сопротивления. Он понял, что правда — на его стороне! Он тоже почти победжал, так же стуча по гулкому полу вестибюля.

Комната, где был действующий телефон, оказалась заперта. Федор Михеевич поспешил наружу. Крепчайший ветер взметывал и пошвыривал песком. Грузовик со строителями уже выходил из ворот. Сторож был за воротами, но директор не стал теперь возвращаться, а нащупал пятнадцать копеек и пошел к автомату.

Он позвонил секретарю горкома Грачикову. Секретарша ответила, что у Грачикова совещание. Он назвал, попросил узнать, примет ли его секретарь горкома и когда. Ответ был: через час.

Федор Михеевич пошел, опять пешком. Идя и сидя потом перед кабинетом Грачикова, он в памяти перебирал все этажи и все аудитории нового здания и, казалось ему, не находил такого места, где б институту не пришлось или ломать стенку, или ставить новую. И в записной книжке он стал прикидывать, во что это обойдется.

Иван Капитонович Грачиков был для Федора Михеевича не просто секретарь горкома, но еще и фронтовой приятель. Они воевали в одном полку, правда — недолго вместе. Федор Михеевич был начальником связи полка, Грачиков прибыл из госпиталя уже позже и заменил убитого командира батальона. Они распознались тогда, что земляки, и виделись,

и по телефону иногда калякали, когда тихо бывало ночью, вспоминали свои места. Тут убило командира роты в батальоне Грачикова. Как всегда в полку, штабными командирами затыкали все пробоины, и Федора Михеевича послали командиром роты, временно. Это «временно» обернулось двумя сутками: через двое суток его ранило, а из госпиталя он уже в ту дивизию не попал.

Сейчас он сидел и вспомнил, что как-то все неприятности у него всегда сходятся на последние дни августа: это ранение в сорок втором году в батальоне Грачикова было двадцать девятого августа, то есть вчера. А в сорок четвертом году его ранило тридцатого августа.

Как раз сегодня.

Из кабинета стали выходить, и Федора Михеевича позвали.

— Беда случилась, Иван Капитоныч! — глухо, с захрипом, прямо с порога предупредил директор. — Беда!..

Он сел на стул (Грачиков велел выносить из кабинета все эти кресла, в которых люди утопали и еле поднимались подбородком до стола) и стал рассказывать. Грачиков склонил голову об руку, щекою на ладонь, и слушал.

Лицо Ивана Капитоновича природа вырубил грубовато: губы ему оставила толстые, нос широкий, уши большие. Но хотя волосы у него были черные и зуб стоял как-то наискось, придавая ему грозность, — все вместе лицо его было такое выразительно русское, что невозможно было переодеть его ни в какой чужестранный костюм или мундир, чтоб его тотчас же не признали за русака.

— Ну, скажи, Иван Капитонович, — волновался директор, — ну разве это не глупо? Я уж не говорю — для техникума, но с государственной точки зрения — разве не глупо?

— Глупо, — уверенно приговорил Грачиков, не меняя телоположения.

— Слушай, во что обойдутся переделки, вот я прикинул на бумажке. Все здание стоит четыре миллиона, так? А переделок если не на два миллиона, так на полтора, вот смотри...

И из записной книжки он вычитывал названия работ и сколько это может стоить. Он все больше чувствовал свою неопровержимую правоту.

Грачиков же неподвижно, спокойно слушал и думал. Он как-то говорил Федору Михеевичу, что едва ли не главное освобождение от проклятой войны ощутил в том, что с него была снята обязанность принимать решения единоличными и мгновенными, а правильные или неправильные — разберемся на том свете. Грачиков очень любил решать дела не спехом, а толком — самому подумать и людей послушать. И не по нутру ему было кончать разговоры и совещания приказами, он старался собеседников убедить до конца, чтобы те сказали: «Да, это верно», или его убедили бы, что — неверно. И как бы упорно ему ни возражали, он не терял выдержанного приветливого образа разговора. Все это отнимало, конечно, время; первый секретарь обкома Кнорозов быстро заметил за ним эту слабость и в своей неоспоримой лаконичной манере швырнул ему как-то: «Размазня ты, а не работник! Не советский у тебя стиль!» Но Грачиков обопнул на своем: «Почему? Наоборот. Я — советно работаю, с народом я советуюсь».

Секретарем горкома Грачиков стал с последней городской конференции, после больших и разнообразных успехов того завода, где он был секретарем парткома.

— А про этот институт научно-исследовательский ты слышал что-нибудь, Иван Капитонович? Откуда он взялся?

— Слышал.— Грачиков все так же держал и голову и руку.— Говорили о нем еще весной. Потом затянулось.

— Да-а,— посетовал директор техникума.— Принял бы Хабалыгин здание, въехали б мы числа двадцатого августа — и уж нас не ущипнешь. Помолчали.

В молчанье этом Федор Михеевич почувствовал, как из-под ног его и от рук уходит та твердь, за которую он только что держался. Полтора миллиона переделок не сотрясли кабинета, Грачиков не схватил двумя руками две телефонные трубки, не вскочил, не побежал никуда.

— А что? Очень важный институт, да? — осевшим голосом спросил Федор Михеевич.

Грачиков вздохнул:

— Раз почтовый ящик — уж тут не спрашивай. Все у нас важное.

Вздохнул и директор.

— Иван Капитоных, но что же делать? Ведь они постановление правительства возьмут — тогда кончено. Ведь тут два дня каких-нибудь, тут срок.

Грачиков думал.

Федор Михеевич еще довернулся в его сторону, так что коленями уперся в письменный стол, налег на стол и обеими руками подпер голову.

— Слушай. А что, если прямо в Совет Министров телеграммку отстукать? Сейчас как раз такое время — связь школы с жизнью.. От моего имени. Я не боюсь.

Грачиков посмотрел на него с минуту, очень внимательно. И вдруг сдрогнула с лица его вся грозность и обернулась сочувственной улыбкой. Грачиков заговорил, как любил — чуть певуче, фразами длинными, законченными, с каким-то хлебосольным оттенком:

— Федор Михеевич, душа ты моя, как ты это себе представляешь — постановление правительства? Ты думаешь, сидит весь Совмин за длинным столом и толкуют, как быть с твоим зданием, да? Только им и дела. И тут как раз твою телеграммку подносят, да?.. Постановление правительства — значит, что на днях этого министра или этого председателя комитета должен принять кто-то из зампредов. Министр придет на доклад с несколькими бумагами и между прочим скажет: вот этот НИИ, сами, мол, знаете, первейшей необходимости, решили в том городе дислоцировать, а тут и здание готово кстати. Зампред спросит: а для кого строили? Министр ему: для техникума, но техникум пока расположен вполне терпимо, мы посылали авторитетную комиссию, товарищи изучили вопрос на месте. Ну, перед тем, как визу ставить, зампред еще спросит: а обком не возражает? Понимаешь — обком! И телеграммку твою сюда же назад и вернут: проверьте факты! — Грачиков чмокнул толстыми губами.— Эти вещи вблизи рассматривать, тут вся сила в обкоме.

Теперь он положил руку на трубку, но еще не снимал ее.

— Мне вот то не нравится, что там инструктор обкома был и не возражал. Если и Виктор Вавилыч уже согласие дал — о, брат, плохо. Он ведь решений не меняет.

Виктора Вавиловича Кнорозова Грачиков, конечно, побаивался — да и кто в области его не боялся!

Он снял трубку.

— Это Коневский?.. Грачиков говорит. Слушай, Виктор Вавилыч у себя?.. А когда вернется?.. Вот как... Ну, если все-таки сегодня вернется — скажи, что я очень прошу меня принять... Хоть с квартиры вечером...

Он положил трубку и еще на рычагах покатал ее ладонью — в одну сторону, в другую, туда, сюда. Посмотрел на усеченную черную пирамиду телефона, перевел глаза на Федора Михеевича, убравшего голову в руки.

— Вообще, Михеич,— задушевно сказал Грачиков,— люблю я техникумы. Техникумы — люблю. У нас все за академиками гонятся, меньше инженера образования и не признают. Нам же в промышленности всего насущней техники нужны. А техникумы — на задворках, не твой один. А ведь вы! — ведь вы вот каких детей принимаете,— (он показал рукой лишь немного выше стола, каких детей Федор Михеевич никогда не принимал),— и через четыре года,— (он выставил большой палец рожком),— во специалисты получают. Я ж у тебя на защите проектов был весной, ты помнишь?

— Помню,— невесело кивнул Федор Михеевич.

За этим большим деловым столом, к которому поперек еще был приставлен другой, под зеленой скатертью, Иван Капитонович говорил с таким доброжелательством, как если б на столах этих были расставлены не чернильный прибор, утыкалка для ручек, календарь, пресс-папье, телефоны, графин, поднос, пепельница, а — на белой скатерти тарелки с соленым, печеным и заливным и хозяин уговаривал бы гостя отведать и с собой даже взять.

— Какой-то мальчишка лет девятнадцати, может быть, первый раз галстук надел, и пиджак у него не от этих брюк — или это модно теперь? — развесил по всей доске чертежи, выставил на стол какой-то регулятор-индикатор-калибратор, который сам же он и сделал, индикатор этот пощелкивает, помигивает, а парень ходит, палочкой по чертежам помахивает и так это чешет, мне просто завидно стало! Какие слова у него, какие понятия: недостатки существующих индикаторов; принцип действия моего; задаемся величиной анодного тока; показания датчиков; экономическая эффективность; коэффициент конструктивной преемственности! — да черт же тебя дери, а? Ведь пацан!.. Я сидел — и за себя расстроился. Думаю, ну а я полвека землю потоптал — какая ж у меня специальность? Что когда-то за станком стоял? Так уж те станки давно повыбрасывали. Что я историю партии знаю и марксистскую диалектику? — так ее все должны знать, тут нашего преимущества нет. Хватит! Пришло такое время, что без специальности — не парработник. Вот такие ж пацаны и на заводе у меня делами ворочали. Так я каким голосом буду ему давать указания повышать производительность?.. Я сам и глазами и ушами набирался, сколько мог. Был бы я помоложе, Михеич, сейчас с удовольствием в твой техникум катнул бы, на вечернее...

И видя, что директор совсем уныл, рассмеялся:

— ...в старое здание!

Но Федор Михеевич не улыбнулся. Он опять вобрал голову в плечи и сидел как отмященный.

Тут секретарша напомнила, что Грачикова ждут.

5

Хотя никто ничего студентам не объявлял, но к следующему утру уже все знали.

Утром запасмурнело. Натягивало дождь.

Кто приходил в техникум — собирались снаружи кучками, но холодно было. В аудитории не пускали — дежурные студенты убирали там, в лаборатории тем более не пускали, там налаживали,— и опять стали сходиться и толпиться на той же лестнице.

Гудели. Девчонки ахали и хныкали. Все говорили о здании, об общежитии, о квартирах. Мишка Зимин, крепыш, отличавшийся рекордами на копке траншей, громко заорал:

— Так что ж, ребята, мы — зря ишачили? Зря, выходит? А, Игорь? Чего теперь объяснять будешь?

Игорь, член комитета, тот чернявенький парень в красно-коричневой клетчатой рубашке, который вчера готовил список, каким группам какую лабораторию переносить, стоял на верхней площадке в смущении.

— Ну, подожди, разберутся...

— Кто разберется?

— Ну, мы разберемся... Может, напишем куда...

— А правда, девчонки! — убежденно заговорила девочка с тошеним пробором, с лицом сурово-старательной ученицы. — Давайте в Москву жалобу писать! Неужели не добьемся?

Она самая смиренная была, но дошло у нее до края, хоть техникуму бросать: доплачивать за койку дальше по семидесяти рублей из стипендии она не могла.

— Эх, накатать бы! — прихлопнула ладошкой по перилам другая — завлекательная, со смоляными тонкими кудрями, в спортивной свободной курточке. — Да все девятысот подпишемся, а?

— Правильно!..

— Верно!..

— А вы узнайте раньше — можно такие подписи собирать? — охладели их с другой стороны.

Валька Rogozkin, первый легкоатлет техникума, лучший бегун на сто и четыреста метров, первый прыгун и первый крикун, как бы лежал на наклонных перилах лестницы: одну ногу он держал спущенной на ступеньку, вторую занес через перила и грудью прилег на них; на перилах же сплел он и руки, на них упер подбородок и в раскоряченном таком положении, пренебрегая шиканьем девчонок, смотрел вверх — туда, где стоял Игорь, а на изломе перил бесстрашно сидел, как бы не чувствуя за спиной шестиметрового пролета, смуглый, плечистый, очень спокойный Валька Гугуев.

— Слушайте меня, э! — пронзительно закричал Валька Rogozkin. — Эт все ерунда! Давайте лучше — все как один — не придем завтра!

— На стадион! — поддержали его.

— Кто это тебе разрешит? — насторожился Игорь.

— А кто должен разрешать? — вылупился Rogozkin. — Конечно, никто не разрешит! А мы — не придем! Да будь спок, ребята! — вдохновлялся он и кричал еще громче: — Через несколько дней совсем другая комиссия придет, на самолете прилетит — и назад нам наше здание отдадут, еще и прибавят!

Заволновались.

— А стипендии не лишат?

— Это б сильно!

— Исключить могут!

— Это — не метод! — перекрикивал Игорь. — Это — не наш метод! И из головы выбрось!

Не заметили за гамом, как по лестнице поднималась тетя Дуся с оцинкованным ведром. Поравнявшись с Rogozkinым, она перевела ведро в другую руку, а той рукой размахнулась и с чувством бы вмазала ему пятерней пониже спины, да он увидел прежде и соскочил проворно, так что рука тети Дуси лишь чуть-чуть по нему прошлась.

— Э-э! — взвopil Rogozkin. — Теть Дуся! — Он полушутя грозил ей пальцем. — Это не метод! Я в другой раз...

— В другой раз ляжь еще так! — погрозила пятерней и тетя Дуся. — Я тебя отпояжу, не очухаешься! Перила для этого сделаны, да?

Все громко смеялись. Очень все в техникуме любили тетю Дусю за решительность.

Она шла выше, раздвигая студентов. Лицо ее было морщинисто, но подвижно и сходилось к решительному подбородку. Может быть, по природе достойна она была лучшего поста, чем занимала.

— Эт все ерунда, тетя Дуся! — модной среди ребят приговоркой установил ее Мишка Зимин. — А вот скажите — зачем здание отдали?

— А ты не знаешь? — прикинулась тетя Дуся. — Там паркетных полов даже много. Все натирать — с ума спятишь.

И пошла, погромливая ведром.

Дружно смеялись.

— А ну, Валька! Отколи! — сказали ребята Гугуеву, заметив с верхней площадки группу новых девушек, вошедших со двора. — Люська идет!

Валька Гугуев спрыгнул с угла перил, раздвинул соседей, стал перед верхними замыкающими прямыми перилами очень серьезно, утвердил на них руки ладонями, примерился, обхватил — и вдруг легким толчком ног взбросил свое ладное тело вверх и мягко, уверенно вышел в стойку над пропастью.

Это был смертный номер.

По лестнице прошел угомон. Все запрокинули головы. Мальчишки смотрели с уважением, восхищенные девчонки замерли с ужасом.

Та самая Люся, для которой все это делалось, уже успела взойти на несколько ступенек, обернулась теперь и, широко раскрыв голубенькие глаза, смотрела круто вверх, откуда человек, стоящий вниз головой, сейчас бы рухнул прямо на нее и на камни, если бы упал — но он не падал! — он, незаметнейше балансируя, а почти неподвижно, выжимал свою стойку над лестничным пролетом и совсем не торопился выходить из нее. При этом к пролету он был обращен беззащитной спиной, вытянутые во всю длину и сложенные вместе ноги еще, как нарочно, нависали по дуге над пустотой, а голова — голова была ниже всего и тоже вывернута к спине, а потому Валька мог прямо смотреть на Люсю — крохотную, тоненькую, запахнутую в светлый плащик с поднятым воротником, но без берета, и это особенно шло ей, с короткими беленькими волосами, примоченными дождем.

Но разглядывал ли он ее? — даже в пасмурном свете лестницы видно было, как лицо и шея смельчака потемнели от прилившей крови.

И вдруг раздалась оклики вполголоса:

— Атас! Атас!

Гугуев тотчас перекачнулся в сторону площадки, мягко стал на ноги и невинно облегся о те же самые перила.

За такой аттракцион вполне можно было лишиться стипендии, как его уже раз и лишали за то, что он по всему техникуму дал на десять минут раньше звонок с урока (опаздывали в кино).

По лестнице, еще не успевшей зашуметь и послушно расступавшейся перед ним, поднимался сумрачный долговязый завуч Григорий Лаврентьевич.

Он слышал это «атас», знал, что так ребята предупреждают об опасности, и понимал, что тишина его встретила неестественная. Но не заметил виновника.

Тем более что Рогозкин, вечный зачинала споров, тут же к нему и привязался.

— Григорий Лаврентьевич! — на всю лестницу резко закричал Рогозкин. — А зачем здание отдали, а? Сами строили!

И нарочито-дурашливо склонил голову набок, ожидая ответа. Он еще из школы пришел с этой манерой смешить публику, особенно на уроках.

Все молчали и ждали, что скажет завуч.

Вот так — и вся жизнь преподавателя: одному на всех надо быстро найтись и каждый раз по-новому.

Григорий Лаврентьевич долгим придирчивым взглядом посмотрел на Rogozkina. Тот выдержал взгляд, все так же держа голову набок.

— А вот, — сказал медленно завуч, — ты техникум кончишь... Хотя... где тебе кончить!

— Это вы на соревнования намекаете? — скороговоркой отразил Rogozkin. — (Каждую весну и каждую осень он пропускал занятия вволю — то из-за областных соревнований, то всероссийских. Но успевал нагнать, двоек не было.) — Зря вы, зря! У меня, если хотите знать, уже даже зреют, — он смешно покрутил пальцем около виска, — идеи дипломного проекта!

— Ну-у?? Это хорошо. Так вот, кончишь техникум — куда работать пойдешь?

— Куда пошлют! — с преувеличенной бойкостью отрапортовал Rogozkin, выправляя голову и вытягиваясь.

— Вот в то здание, может, и пошлют. Или другие туда попадут. Так ваша работа и оправдается. Все наше будет.

— О! Это здорово! Я согласен! Спасибо! — очень, очень обрадованно сказал Rogozkin.

И завуч пошел уже своей дорогой. Но не успел уйти в коридор, как Rogozkin с той же легкостью отверг:

— Не! Григорий Лаврентьевич! Я раздумал! Я — сам в то здание не хочу!

— А куда? — покосился завуч.

— На целину хочу! — крикнул Rogozkin.

— Ну, пиши заявление, — чуть улыбнулся завуч.

И пошел по коридору в кабинет директора.

Самого Федора Михеевича не было: он вчера не попал на прием и опять был сегодня в обкоме. Но у нескольких преподавателей, ожидавших сейчас в кабинете звонка директора, уже не было надежды на успех.

Капли дождя там и сям разбились на стеклах. Неровное, в бугорках, пространство до переезда овлажнело и потемнело.

Начальники отделений сидели над простынями расписаний, передавая друг другу цветные карандаши и резинки и согласовывая комнаты, часы и людей. Секретарь партбюро Яков Ананьевич за маленьким столиком у окна, близ партийного сейфа, разбирался в скоросшивателях. Лидия Георгиевна стояла у того же окна. С быстротой, с какой умеют меняться женщины, она, вчера такая веселая, быстрая, молодая, сегодня выглядела пожилым, больным человеком. И одета была не в сине-зеленое, а в темное.

Яков Ананьевич, невысокий, уже лысоватый, очень аккуратный, хорошо выбритый, с чистой розовой кожей щек, разговаривал, но при этом не покидал свою работу: каждую бумажку в папке он перелистывал осторожно, как живую, не заламывая, а если она была отпечатана на папирусной бумаге, так даже и нежно.

Он говорил очень мягко, негромко, но вместе с тем вразумительно:

— Нет, товарищи. Нет. Никакого общего собрания. И никаких собраний по отделениям, ни курсовых, ни даже классных мы по этому поводу

собирать не будем. Это значило бы слишком заострять внимание на данном вопросе. Незачем. Узнать они узнают, стихийно.

— Да они уже знают,— сказал завуч.— Но они объяснений требуют.

— Ну что ж,— не найдя тут противоречия, спокойно ответил Яков Ананьевич,— в частных беседах можете отвечать, это неизбежно. Как надо отвечать? Отвечать надо так: это — институт, важный для родины. Он родственен нам по профилю, а электроника сейчас — основа технического прогресса, и никто не должен ставить ей препятствий, а напротив — расшищать дорогу.

Все молчали, и Яков Ананьевич еще перелистнул бережно две-три бумажки, не находя нужной.

— Да наконец и этого можно ничего не разъяснять, а отвечать короче: этот институт — государственного значения, и не нам с вами обсуждать целесообразность.

Он еще перелистнул и нашел нужное, и еще раз поднял ясные спокойные глаза:

— А собирать собрания? Как-то особенно обсуждать данный вопрос? Нет, это была бы политическая ошибка. Даже напротив: если учащиеся или комитет комсомола будут настаивать на собрании — надо их от этого отвести.

— Я не согласна!! — резко обернулась к нему Лидия Георгиевна, и вздрогнули все ее отброшенные, по затылок стриженные волосы.

Яков Ананьевич благорассудно смотрел на нее и спросил все так же бережно:

— Но с чем вы тут можете быть не согласны, Лидия Георгиевна?

— Прежде всего с тем,— она корпусом, рукой и головой подалась навстречу,— с тем прежде всего... Вот — с тоном вашим! Вы не только уже примирились, но вы как будто — довольны! да! — просто-таки довольны, что у нас отобрали это здание!

Яков Ананьевич развел кистями — не всеми руками, а именно только кистями:

— Но, Лидия Георгиевна, если это — государственная необходимость, то почему я могу быть ею недоволен?

— А главное, не согласна — с принципом вашим! самым вашим принципом! — И уж она не устояла на месте, стала ходить по малому простору кабинета и размахивала руками.— Уж так, как я, никто из вас с ребятами не сталкивается, потому что я с комсомольцами с утра до вечера! И я понимаю, как будет выглядеть то, что вы нам диктуете: ребята сочтут, и правильно сочтут, что мы боимся правды! Будут они за это нас уважать, да?.. Значит, когда у нас хорошее случится, мы о нем объявляем, вывешиваем на стенах, передаем через радиоузел, да? А о дурном или о трудном — пусть узнают, откуда хотят, и шепчутся, как хотят? Нет! — голос ее зазвенел, но злосчастным образом второй раз за эти сутки подошел к самой грани слез.— Нет! Нельзя так жить, а с молодыми — особенно! Ленин учил: не бойтесь гласности! Гласность есть меч исцеляющий!

Не ко времени слезы загородили ей горло, и она вышла быстро, чтобы не расплакаться.

Яков Ананьевич огорченно посмотрел ей вслед и с большим сокрушением, закрыв глаза, покачал головой.

Лидия Георгиевна быстро шла по полутемному коридору, зажав комочек носового платка в руке. Там и здесь ребята убирали, переносили прошлогодние щиты — результаты соцсоревнования, карикатуры на прогульщиков, стенные газеты.

В расширении, у чулана, где стояли ящики с вакуумными трубками, двое мальчиков с третьего курса окликнули ее: они при разборке сняли сверху и теперь не знали, что делать с макетом — с тем самым объемным макетом, который, подняв на четырех шестах, они несли на октябрьской и первомайской демонстрациях перед колонной техникума.

Утвержденное на ящиках, здание, такое уже известное и любимое в мелочах, живо стояло перед ними: белое, с положенными в тех самых местах, где надо, голубыми и зеленоватыми отливами; с теми же двумя характерными полубашенками, вырастающими из пилоэстров; с теми же подъездами — большим и малым; с огромными окнами актового зала и точным счетом обыкновенных окон в четыре этажа, каждое из которых уже было кому-то предназначено.

— Может, его это...? — не глядя в глаза и виновато обмякаясь, спросил один из мальчиков, —...порубить? Чего! И так повернуться где...

6

Иван Капитонович Грачиков не любил военных воспоминаний, а своих — особенно. Потому не любил, что на войне худого черпал мерой, а доброго — ложкой. Потому что каждый день и шаг войны связаны были в его пехотинской памяти со страданиями, жертвами и смертями хороших людей.

Также не любил он, что и на втором десятке лет после войны жужжат военными словами там, где они совсем не надобны. На заводе он и сам не говорил и других отучал говорить: «На фронте наступления за внедрение передовой техники... бросим в прорыв... форсируем рубеж... подтянем резервы...» Он считал, что все выражения эти, вселяющие войну и в самый мир, утомляют людей. А русский язык расчудесно обможется и без них.

Но сегодня он изменил своему правилу. В приемной первого секретаря обкома он сидел с директором техникума, ожидая (в то время как в его собственной приемной сидели другие люди и ждали его самого). Грачиков нервничал, звонил отсюда своей секретарше, выкурил две папиросы. Потом присмотрелся к голове Федора Михеевича, безрадостно вобранной в плечи, и показалось ему, что вчера тут было засеяно седую меньше полполя, а сегодня больше. И чтобы тот не кручинился, Грачиков стал ему рассказывать один смешной случай, который произошел с людьми, знакомыми им обоим, в те короткие дни, когда дивизия их отдыхала во втором эшелоне. Это было уже в сорок третьем году, после ранения Федора Михеевича.

Однако зря он рассказывал — Федор Михеевич не рассмеялся. А сам Грачиков так и знал, что лучше не разжигать воспоминаний войны. По связи их, уже невольно, пришел ему в голову и следующий день, когда дивизия получила срочный приказ перейти Сож и развернуться.

Там был разбитый мост. Саперы ночью отремонтировали его, и Грачиков поставлен был дежурным офицером у входа на переправу: никого не пропускать, пока не пройдет их дивизия. А мост был тесен, края развалены, негладок настил, и скопляться нельзя было, потому что «юнкеры» одномоторные два раза выкруживали из-за леса и бросались пикировать, правда бомбы в воду. И переправа, начавшаяся еще до рассвета, затянулась за полдень. Тут подсобрились и другие части, тоже охотники переправиться, но ждали очереди в мелком соснячке. Вдруг выехало шесть каких-то крытых (ординарец Грачикова называл «скрытых») новеньких машин, одна в одну, и сразу, обгоняя колонну дивизии, полезли

втиснуться на переправу. «Сто-о-ой!» — свирепо кричал Грачиков переднему шоферу и бежал ему наперехват, а тот ехал. Рука Грачикова едва было не дернулась или, кажется, уже дернулась к кобуре. Тут пожилой офицер в плащнакидке из первой кабины открыл дверцу и так же свирепо крикнул: «А ну-ка, сюда, майор!» — и повертом плеча сбросил плащнакидку — и оказался генерал-лейтенантом. Грачиков подбежал, робея. «Куда руку тянул? — грозно кричал генерал. — Под трибунал хочешь? А ну, пропусти мои машины!» Пока он не приказал пропустить его машины, Грачиков готов был выяснять все по-хорошему, без крика, и, может, еще пропустил бы. Но когда стлкнулись лбами справедливость и несправедливость, а у второй-то лоб от природы крепче, — ноги Грачикова как в землю встали, и уж ему было все равно, что с ним будет. Он вытянулся, козырнул и открыл: «Не пропущу, товарищ генерал-лейтенант!» — «Да ты что-о? — взвопил генерал и сошел на подножку. — Как фамилия?» — «Майор Грачиков, товарищ генерал-лейтенант. Разрешите узнать вашу!» — «Завтра же будешь в штрафной!» — яровал тот. «Хорошо, а сегодня займите очередь!» — отбил Грачиков, шагнул перед радиатор их машины и стал, чувствуя, что наливается до бурости вся шея его и лицо, но зная, что не соступит. Генерал запахнулся во гневе, подумал, захлопнул дверцу, и повернули шесть его машин...

Наконец от Кнорозова вышли несколько человек — из областного сельхозуправления и из сельскохозяйственного отдела обкома. Секретарь Кнорозова Коневский (он держался с таким пошибом и такой у него был письменный стол, что новичок вполне бы его и принял за секретаря обкома) сходил в кабинет и вернулся.

— Виктор Вавилович примет вас одного! — объявил он непреложно.

Грачиков мигнул Федору Михеевичу и пошел.

У Кнорозова еще задержался главный зоотехник. Вывернув голову, сколько мог, и извернувшись весь так, будто сами кости у него были гибкие, зоотехник смотрел в большой лист, лежавший перед Кнорозовым, где были красивые цветные диаграммы и цифры.

Грачиков поздоровался.

Высокий гологоловый Кнорозов не обернулся к нему, только склонился:

— Сельского хозяйства на тебе нет. А ходишь — пристаешь. Жил бы спокойно.

Сельским хозяйством он часто попрекал Грачикова, как будто городская промышленность не оправдывала своего хлеба. А сейчас, как знал Грачиков, Кнорозов надумал с сельским хозяйством не только наравиться, но и прославиться.

— Так вот, — сказал Кнорозов зоотехнику, медленно и веско опуская пять выставленных длинных пальцев полукруглием на большой лист, будто ставя огромную печать. Он сидел ровно, не нуждаясь в спинке кресла для поддержки, и четкие жесткие линии ограничивали его фигуру и для смотрящего спереди и для смотрящего сбоку. — Так вот. Я говорю вам то, что вам сейчас нужно. А нужно вам — то, что я сейчас говорю.

— Ясно, Виктор Вавилович, — поклонился главный зоотехник.

— Возьми же. — Кнорозов освободил лист.

Зоотехник осторожно, двумя руками, выбрал лист со стола Кнорозова, скатал в трубку и, опустив голову, плешью вперед, пересек этот очень просторный, со многими стульями, рассчитанный на многолюдные заседания кабинет.

Думая, что сейчас пойдет за директором техникума, Грачиков не сел, только уперся в кожаную спинку кресла перед собой.

Кнорозов, даже сидя за столом, выказывал свою статность. Долгая голова еще увывала его. Хотя был он далеко не молод, отсутствие волос не старило его, но даже молодило. Он не делал ни одного лишнего движения, и кожа лица его тоже без надобности не двигалась, отчего лицо казалось отлитым навсегда и не выражало мелких минутных переживаний. Размазанная улыбка расстроила бы это лицо, нарушила бы его законченность.

— Виктор Вавилович! — выговаривая все звуки полностью, сказал Грачиков. Полупевучим говорком своим он как бы наперед склонял к мягкости и собеседника. — Я — ненадолго. Мы тут с директором — насчет здания электронного техникума. Приезжала московская комиссия, заявила, что здание передается НИИ. Это — с вашего ведома?

Все так же глядя не на Грачикова, а перед собой вперед, в те дали, которые видны были ему одному, он растворил губы лишь настолько, насколько это было нужно, и отрубисто ответил:

— Да.

И, собственно, разговор был окончен.

Да?..

Да.

Кнорозов гордился тем, что он никогда не отступал от сказанного. Как прежде в Москве слово Сталина, так в этой области еще и теперь слово Кнорозова никогда не менялось и не отменялось. И хотя Сталина давно уже не было, Кнорозов — был. Он был один из видных представителей «волевого стиля руководства» и усматривал в этом самую большую свою заслугу. Он не представлял себе, чтобы можно было руководить как-нибудь иначе.

Чувствуя, что начинает волноваться, Грачиков заставлял себя говорить все приветливее и дружелюбнее:

— Виктор Вавилович! А почему бы им не построить себе специальное, для них приспособленное здание? Ведь тут одних внутренних переделок...

— Сроки! — отрубил Кнорозов. — Тематика — на руках. Объект должен открыться немедленно.

— Но окупит ли это переделки, Виктор Вавилович? И... — поспешил он, чтобы Кнорозов не кончил разговора, — и, главное, воспитательная сторона! Студенты техникума совершенно бесплатно и с большим подъемом трудились там год, они...

Кнорозов повернул голову — только голову, не плечи — на Грачикова и, уже отзванивая металлом, сказал:

— Я не понимаю. Ты — секретарь горкома. Мне ли тебе объяснять, как бороться за честь города? В нашем городе не бывало и нет ни одного НИИ. Не так легко было нашим людям добиться его. Пока министерство не раздумало — надо пользоваться случаем. Мы этим сразу переходим в другой класс городов — масштаба Горького, Свердловска.

Он прищурился. То ли видел свой город уже превращенным в Свердловск. То ли внутренне примерял себя к каким-то новым высоким постам.

Но Грачикова не только не убедили и не прибили его фразы, падающие, как стальные балки, а он почувствовал подступ одной из тех решающих минут жизни, когда ноги его сами вращались в землю, и он не мог отойти.

Оттого что сталкивались справедливость и несправедливость.

— Виктор Вавилович! — уже не сказал, а отчеканил он тоже, резче, чем бы хотел. — Мы — не бароны средневековые, чтобы подмалевывать себе погуще герб. Честь нашего города в том, что эти ребята строили — и радовались, и мы обязаны их поддержать! А если здание отнять —

у них на всю жизнь закоренится, что их обманули. Обманули раз — значит, могут и еще раз!

— Обсуждать нам — нечего! — грохнула швеллерная балка побольше прежних. — Решение — принято!

Оранжевая вспышка разорвалась в глазах Грачикова. Налились и побурели шея его и лицо.

— В конце концов что нам дороже? камни или люди? — выкрикнул Грачиков. — Что мы над камнями этими трясемся?

Кнорозов поднялся во всю свою ражую фигуру, и увиделось, что он — из стали весь, без сочленений.

— Де-ма-го-гия! — прогремел он над головой ослушника.

И такая была воля и сила в нем, что, кажется, протяни он длань — и отлетела бы у Грачикова голова.

Но уже говорить или молчать — не зависело от Грачикова. Он уже не мог иначе.

— Не в камнях, а в людях надо коммунизм строить, Виктор Вавилович!! — упоенно крикнул он. — Это — дольше и трудней! А в камнях мы если завтра даже всё достроим, так у нас еще никакого коммунизма не будет!!

И замолчали оба.

И стояли не шевелясь.

Иван Капитонович заметил, что пальцам его больно. Это впился он в спинку кресла. Отпустил.

— Не дозрел ты до секретаря горкома, — тихо обронил Кнорозов. — Это мы проглядели.

— Ну, и не буду, подумаешь! — уже с легкостью отозвался Грачиков, потому что главное он высказал. — Работу себе найду.

— Какую это? — насторожился Кнорозов.

— Черную, какую! Полюбите нас черненькими! — говорил Грачиков в полный голос.

Ему и правда до тошноты опостыло так работать, чтоб с ним не советовались, не обсуждали, а только верхоправили. На заводе у них такого порядка не было.

Кнорозов долгим полусвистом выпустил воздух через сжатые зубы.

Положил руку на трубку.

Взял ее.

Сел.

— Саша. Соедини с Хабалыгиным.

Соединяли.

Здесь, в кабинете — ни слова.

— Хабалыгин?.. Скажи, а что ты будешь делать с неприспособленным зданием?..

(Разве «будет делать» — Хабалыгин?..)

— ...Как — небольшие? Очень большие... Сроки — это я понимаю... В общем, пока довольно с тебя над одним зданием голову ломать...

(«С тебя?..»)

— ...Соседнего — не дам. Построишь еще лучше.

Положил трубку.

— Ну, позови директора.

Грачиков пошел звать, уже думая над новым: Хабалыгин переходит в НИИ?

Вошли с директором.

Федор Михеевич вытянулся и уставился в секретаря обкома. Он любил его. Он всегда им восхищался. Он радовался, когда попадал к нему на совещания и здесь мог зачерпнуть, зарядиться от всеоборачивающей воли и энергии Кнорозова. И потом, до следующего совещания, бодро хотелось выполнять то, что было поручено на предыдущем: повышать ли успеваемость, копать ли картошку, собирать металлолом. То и дорого было Федору Михеевичу в Кнорозове, что да так да, а нет так нет. Диалектика диалектикой, но, как и многие другие, Федор Михеевич любил однозначную определенность.

И сейчас он вошел не оспаривать, а выслушать приговор о своем здании.

— Что, обидели? — спросил Кнорозов.

Федор Михеевич слабо улыбнулся.

— Выше голову! — тихо твердо сказал Кнорозов. — От каких же ты трудностей теряешься!

— Я не теряюсь, — хриловато сказал Федор Михеевич и прокашлялся.

— Там у тебя рядом общежитие начато? Достроишь — будет техникум. Ясно?

— Ясно, да, — заверил Федор Михеевич.

Но в этот раз как-то не получил заряда бодрости. Закружились сразу мысли: что это — на зиму глядя; что учебный год — на старом месте; что опять-таки и новый техникум будет без актового и физкультурного залов; и общежития при нем не будет.

— Только, Виктор Вавилович! — озабоченно высказал Федор Михеевич вслух. — Тогда проект придется менять. Комнатки — маленькие, на четырех человек, а надо их — в аудитории, в лаборатории...

— Со-гла-суете! — отсекая движением руки, отпустил их Кнорозов. Уж такими-то мелочами его могли бы не тревожить.

По пути в раздевалку Грачиков похлопал директора по спине:

— Ну, Михееч, и то ничего. Постройшь.

— И перекрытие над подвалом менять, — разглядывал новые и новые заботы директор. — Для станков-то его мощней надо. А из-за перекрытия, значит, и первый этаж разбирать, какой уже построили.

— Да-а... — сказал Грачиков. — Ну что ж, рассматривай так, что тебе в хорошем месте дали участок земли, и котлован уже выкопан, и фундамент-заложен. Тут перспектива верная: к весне построишь и влезешь, мы с совнархозом подможем. Скажи — хорошо хоть это здание отбили.

Оба в темных плащах и фуражках, они вышли на улицу. Дул прохладный, но приятный ветер и нес на себе мелкие свежие капли.

— Между прочим, — нахмурился Грачиков, — ты не знаешь, Хабалыгин в министерстве на каком счету?

— Всеволод Борисыч? О-о! Он там большой человек! Он мне давно говорил: у него там дружки-и! А ты думаешь — он мог бы помочь? — с минутной надеждой спросил Федор Михеевич. Но и сам себя опроверг: — Нет. Если б мог помочь, он бы тут же и возражал, когда с комиссией ходил. А он — соглашался...

Прочно расставив ноги, Грачиков смотрел вдоль улицы. Еще спросил:

— Он что? специалист по релейным приборам?

— Да ну, какой специалист. Он и трансформаторами занимался. Просто — руководитель с опытом.

— А почему, собственно, он с комиссией ходил, ты не знаешь?

— Правда, — только теперь высветился этот вопрос в смятенной со вчерашнего дня голове Федора Михеевича. — А почему?

— Ну, бувай! — вздохнул Грачиков, с размаху подал и крепко пожал ему руку.

Он шел к себе, обдумывая Хабалыгина. Конечно, такой НИИ — не заводик релейной аппаратуры. Тут директору и ставка не та, и почет не тот, и к лауреатству можно славировать.

Сам Грачиков твердо вывел для себя, что не надо ждать, пока член партии пойдет впереко с уголовным кодексом. Что того, кто не особняком, не дачными хоромами, но последней мелочью покорыстовался от своей должности, от своего положения и связей, — надо немедленно из партии изгонять. Не на вид ставить, не выговор давать, а только изгонять, потому что тут не проступок, не ошибка, не слабость — а здесь совсем чуждое сознание, внутренний капиталист в голове.

Изловили и клеймили в областной газете какого-то шофера с женой учительницей, которые развели при доме цветник, а цветы продавали на базаре.

Но как поймать Хабалыгина?..

Пешком, медленно пошел Федор Михеевич, чтоб его хорошенько продуло. От бессонницы, и от двух порошков нембутала, и от всего, что он передумал за эти сутки, внутри у него стояло что-то неповоротливое, отравное — но ветром этим свежим оно по маленьким кусочкам из него выдувалось.

Что ж, думал он, начнем опять сначала. Соберем всех девятьсот и объясним: здания у нас, ребята, нет. Надо строить. Поможем — будет быстрее.

Ну, сперва со скрипом.

Потом еще раз увлекутся, как увлекает работа сама по себе.

Поверят.

И построят.

Еще годок переживем и в старом, ладно.

...А пришел, сам не замечая, — к новому, сверкающему металлом и стеклом.

Второе, рядом, — чуть поднялось из земли, заплыло песком и глиной.

В безлукавой памяти Федора Михеевича после вопросов Грачикова зашевелились какие-то оборванные, повисшие нити о Хабалыгине — и кончиками тянулись друг к другу связаться: и как он оттягивал прием объекта в августе, и его радостный вид в комиссии.

И странно — о ком он только начал доумевать по дороге сюда, того и увидел первого на заднем большом дворе строительного участка: Всеволод Борисович Хабалыгин в твердой зеленой шляпе и хорошем коричневом пальто решительно ходил по размокшей глине, пренебрегая тем, что измазал полуботинки, и распоряжался несколькими рабочими, видно своими же. Двое рабочих и шофер стягивали из кузова грузовика столбы — и свежеекрашенные, и уже посеревшие, послужившие в столбовской службе, с отрубленными гнилыми концами. Двое других рабочих, наклонясь, что-то делали, как показывал им Хабалыгин командными взмахами коротких рук.

Федор Михеевич подошел ближе и разглядел, что они забивают колья — но забивают не по-честному, не по прямой, а с каким-то хитрым долгим выступом, чтобы побольше двора прихватить к институту и поменьше оставить техникуму.

— Да Всеволод Борисович! Имейте же вы совесть! Что вы делаете? — вскричал обделенный директор. — Ребятам в пятнадцать—шестнадцать лет дышать надо! побегаты! — куда я их буду выпускать?

Хабалыгин как раз занял важную точку, откуда определялась последняя линия его злонаходчивого забора. Расставив ноги поперек будущей черты, он утвердился и уже поднял руку для взмаха, когда услышал Федора Михеевича, подступившего к нему вплотную. Так и держа ладонь ребром перед головой, Хабалыгин лишь чуть повернул голову (да шея и зашеек у него были такие, что особенно головой не разворочаешься), чуть подобрал верхней губой нелегкие щеки свои, оклычился и проворчал:

— Чтó? Что-чтó?

Не дожидаясь ответа, он отвернулся, в створе ладони проверил своих разметчиков, одного выровнял кивками четырех сложенных пальцев и окончательно, взмахнув короткой рукою, прорубил ею воздух.

Не только воздух, он разрубил, кажется, и самую землю. Нет, не разрубил — он так взмахнул, как бы проложил некую великую трассу. Он взмахнул, как древний полководец, показавший путь войскам. Как первый капитан, наконец-то проложивший верный азимут к Северному полюсу.

И лишь исполнив свой долг, он обернулся к Федору Михеевичу и объяснил ему:

— Так — надо, товарищ дорогой.

— Для чего — н а д о? — озлился Федор Михеевич и затряс головой. — Для пользы дела, да? Да? Ну, подожди! — сжал он кулаки. Но говорить ему стало не под силу, он отвернулся и быстро зашагал к улице, бормоча: — Ну, подожди, боров! Ну, подожди, хряк!..

Рабочие подносили столбы.

А. Межиров. Стихотворения. 191 стр. Цена 41 к.
И. Муратов. Жила на свете вдова. Перевод с украинского. Повесть. 264 стр. Цена 40 к.
А. Мюрже. Сцены из жизни богемы. Перевод с французского. 456 стр. Цена 54 к.
Л. Попов. Снегопад. Стихи и поэмы. Перевод с якутского. 240 стр. Цена 35 к.
Г. Ременик. Шолом-Алейхем. Критико-биографический очерк. 204 стр. Цена 50 к.
Уильям Теккерей. Записки Барри Линдона, эсквайра, писанные им самим. Роман. Перевод с английского. 391 стр. Цена 85 к.
В. Тушнова. Лирика. 272 стр. Цена 39 к.
Кузьма Чорный. Третье поколение. Роман. Перевод с белорусского. 236 стр. Цена 53 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Н. Агеев. Родниковые звезды. Стихи и поэмы. 104 стр. Цена 15 к.
Н. Бажанов. Рахманинов. 447 стр. Цена 80 к.
М. Барышев. Пан-озеро (Северные рассказы). 288 стр. Цена 57 к.
Ш. Бейшеналиев. Путь к счастью. Роман. Перевод с киргизского. 602 стр. Цена 1 р. 3 к.
Г. Голубев. Заболотный (Житие Даниила Заболотного). 256 стр. Цена 53 к.
Дебби, уходи домой. Рассказы и повесть современных южноафриканских писателей. Перевод с английского. 160 стр. Цена 28 к.
Л. Лиходеев. Местное время. Путевые очерки. 128 стр. Цена 17 к.
В. Монастырев. Норд-ост. Рассказы и повести. 208 стр. Цена 46 к.
Ю. Рытхэу. Нунивак. Повесть. 239 стр. Цена 49 к.

ДЕТГИЗ

А. Кондратов. Число и мысль. 144 стр. Цена 30 к.
Н. Кондратьев. Надежный товарищ. Эпизоды из жизни Эйно Гахья — связного В. И. Ленина. 176 стр. Цена 37 к.
Э. Найт. Ласси возвращается домой. Повесть. Перевод с английского. 176 стр. Цена 39 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. 376 стр. Цена 2 р. 26 к.
С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. 540 стр. Цена 2 р. 37 к.
В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. 256 стр. Цена 85 к.
П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848 гг.). 508 стр. Цена 2 р. 36 к.
В. Л. Гинзбург. С. И. Сыроватский. Происхождение космических лучей. 384 стр. Цена 1 р. 50 к.
И. К. Горский. Польский исторический роман и проблема историзма. 264 стр. Цена 56 к.
Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том I. Февраль 1917 г.—ноябрь 1918 г. 546 стр. Цена 1 р. 23 к.
В. П. Зубов. Аристотель. 367 стр. Цена 1 р. 6 к.
История европейского искусствознания от античности до конца XVIII вена. 436 стр. Цена 3 р. 69 к.
В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. 231 стр. Цена 1 р. 40 к.
Б. Г. Кузнецов. Развитие физических идей от Галилея до Эйнштейна в свете современной науки. 512 стр. Цена 2 р. 3 к.
В. В. Орешкин. Больное экономическое общество в России 1765—1917 гг. Историко-экономический очерк. 196 стр. Цена 60 к.
Русско-польские мюзикальные связи. Статьи и материалы. 456 стр. Цена 3 р. 78 к.
А. М. Самсонов. От Волги до Балтики. Очерк истории 3-го Гвардейского механиз-

ированного корпуса. 1942—1945 гг. 451 стр. Цена 2 р.
Г. К. Селезнев. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917—1920 гг. 152 стр. Цена 23 к.
Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика, письма. 432 стр. Цена 2 р.
Современная психология в капиталистических странах. 407 стр. Цена 1 р. 78 к.
Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве. 535 стр. Цена 2 р. 23 к.
Б. С. Украинцев, А. С. Ковальчук, В. П. Чертков. Диалектика перерастания социализма в коммунизм. Особенности действия основных законов диалектики в развитии социализма. 328 стр. Цена 1 р. 45 к.
Г. А. Федоров-Давыдов. Монеты рассказывают (Нумизматика). 136 стр. Цена 21 к.
К. Э. Циолковский. Ракета в космическом пространстве (Исследование мировых пространств реактивными приборами). 112 стр. Цена 30 к.
Акад. Н. С. Шатский. Избранные труды. Том I. 622 стр. Цена 4 р. 26 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Африканский сборник. История. 301 стр. Цена 1 р. 35 к.
Р. С. Белоусов. В тысячах иероглифов. 258 стр. Цена 45 к.
А. К. Боровнов. Лексика среднеазиатского тифсира XII—XIII вв. 365 стр. Цена 1 р. 30 к.
П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза. 266 стр. Цена 85 к.
Пьер-Доминик Гэсо. Священный лес. Перевод с французского. 182 стр. Цена 60 к.
А. И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии. 588 стр. Цена 1 р. 90 к.
К. В. Малаховский. Система опеки — разновидность колониализма. 142 стр. Цена 50 к.
Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. 460 стр. Цена 1 р. 80 к.
Низами Арузи Самарнанди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. Перевод с персидского. 170 стр. Цена 45 к.
Персидские анекдоты. Перевод с персидского. 182 стр. Цена 50 к.
Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. 483 стр. Цена 3 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Герберт Берч. ХДС/ХСС без маски (Христианско-демократический союз ФРГ без маски). Перевод с немецкого. 540 стр. Цена 2 р. 28 к.
Уилфред Бэрчетт. Вьетнам и Лаос в дни войны и мира. Очерки журналиста. Перевод с английского. 279 стр. Цена 60 к.
Дж. М. Будш. Изменение структуры рабочего класса США. Перевод с английского. 125 стр. Цена 39 к.
Станислав Выгодский. Хлеб и цветы. Перевод с польского. 581 стр. Цена 1 р. 70 к.
Памела Хенсфорд Джонсон. Кристина. Роман. Перевод с английского. 304 стр. Цена 98 к.
Жак Дюкло. Будущее демократии. Перевод с французского. 198 стр. Цена 39 к.
Урхо Калева Кенконен. Финляндия и Советский Союз. Речь 1960—1962 гг. Перевод с финского. 215 стр. Цена 49 к.
Фарли Моуэт. Отчаявшийся народ. Перевод с английского. 255 стр. Цена 66 к.
Милтон Педроза. Ночь и надежда. Рассказы. Перевод с португальского. 82 стр. Цена 20 к.
Владимир Познер. Место казни. Очерки. Перевод с французского. 207 стр. Цена 56 к.
Ярмила Свата. Переполох. Роман. Перевод с чешского. 237 стр. Цена 64 к.
Современная арабская новелла. Перевод с арабского. 423 стр. Цена 1 р. 13 к.

Дидо Сотирну. Мертвые ждут... Перевод с новогреческого. 304 стр. Цена 80 к.
Сунь Ли. Кузнец и плотник. Повесть. Перевод с китайского. 83 стр. Цена 17 к.
М. Харрингтон. Другая Америка. Перевод с английского. 210 стр. Цена 41 к.

«ИСКУССТВО»

История западноевропейского театра. Том III. 688 стр. Цена 1 р. 63 к.
К. Кундзинь. Латышский театр. Очерк истории. 232 стр. Цена 84 к.
В. Н. Прокофьев. Теодор Жерико. 256 стр. Цена 2 р. 30 к.
Эллен Терри. История моей жизни. Перевод с английского. 376 стр. Цена 1 р. 5 к.

СЕЛЬХОЗИЗДАТ

Е. В. Бобко. Избранные сочинения. 360 стр. Цена 1 р. 6 к.
А. Г. Дояренко. Занимательная агрономия. 188 стр. Цена 26 к.
Г. С. Зайцев. Избранные труды. 350 стр. Цена 88 к.
З. П. Качалова, Д. М. Харитонов. Борьба с вредителями и болезнями полевых культур. 208 стр. Цена 27 к.
Коллектив авторов. Справочник по кукурузе. 520 стр. Цена 1 р. 5 к.
Коллектив авторов. Технология производства мяса птицы. 104 стр. Цена 13 к.
Коллектив авторов. Справочник овцевода. 420 стр. Цена 57 к.
Коллектив авторов. Рациональное использование земли. 264 стр. Цена 50 к.
Коллектив авторов. Кормовые бобы за рубежом (Сборник переводов). 288 стр. Цена 68 к.
И. С. Кувшинов и другие. Экономика социалистического сельского хозяйства. 664 стр. Цена 1 р. 24 к.
В. Н. Прокофьев и другие. Основы сельского хозяйства. 562 стр. Цена 1 р. 26 к.
Д. Н. Прянишников. Избранные сочинения. В 3-х томах. Том I. Агрохимия. 738 стр. Цена 2 р. 7 к.
А. И. Ревенкова. Николай Иванович Вавилов. 274 стр. Цена 59 к.
В. А. Тихонов. Экономика и организация использования техники в колхозах. 264 стр. Цена 58 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

А. Авдеенко. Дунайские ночи. Роман. 296 стр. Цена 62 к.
Д. М. Беркович, И. Е. Велькин. Сегодня и завтра советского машиностроения. 88 стр. Цена 13 к.
М. Васильев, С. Гущев. Репортаж из XXI века. 340 стр. Цена 1 р. 8 к.
Всероссийское совещание по промышленности и строительству. Сокращенный стенографический отчет. 22—24 апреля 1963 г. 294 стр. Цена 58 к.
Всероссийское совещание по сельскому хозяйству 11—12 марта 1963 г. Сокращенный стенографический отчет. Материалы совещания секретарей партийных комитетов и начальников производственных колхозно-совхозных управлений Российской Федерации. 208 стр. Цена 22 к.
Ю. Когинев, Е. Яковлев. Восьмой день... Документальная повесть. 112 стр. Цена 14 к.
Юрий Нагибин. Страницы жизни Трубкина. Повесть. 104 стр. Цена 12 к.
Ширные просторы. Туристские маршруты. 184 стр. Цена 33 к.
Никол Эрнай. Березовая вода. Повесть. 144 стр. Цена 38 к.

ГОРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. К. Варгин. Любовь Юрия Коротеева. Рассказы. 152 стр. Цена 38 к.
Поэтический год. 1962. Стихи. 159 стр. Цена 20 к.
Е. В. Сосипатров. Записки народного судьи. 152 стр. Цена 33 к.

ДОНЕЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. А. Гревцов. Конец романа. Рассказы. 197 стр. Цена 18 к.
А. З. Москаленко. Свояки. Повесть. 163 стр. Цена 35 к.

КАЛИНИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. И. Кириллов. Достоверная повесть. 128 стр. Цена 35 к.
С. С. Шейнкман. Куражская быль (Воспоминания о А. С. Макаренко и о колонии им. Горького). 55 стр. Цена 8 к.

Главный редактор А. Т. Твардовский

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),
 Б. Г. Закс (ответственный секретарь), А. И. Кондратович (зам.
 главного редактора), В. Я. Лакшин, А. М. Марьямов, В. В. Овечкин,
 К. А. Федин

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
 Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 31/V 1963 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 19/VII 1963 г.
 Формат бумаги 70×108¹/₂. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 120.750.
 А 07020. Зак. 1060.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени И. И. Скворцова Степанова. Москва. Пушкинская пл., 5.

Цена 70 коп.

70637